

ЭМИЛЬ ТЕВЕНО

ИСТОРИЯ ГАЛЛОВ

весь
мир
знает

ИСТОРИЯ

«О характере галлов можно сказать, что у них имелись недостатки, свойственные молодым народам, и сводятся они к одному — к неуравновешенности. Смелые, но хвастливые, умные, но не очень-то склонные к размышлениям и дисциплине, энтузиасты и вместе с тем легко поддающиеся унынию, великодушные, но готовые впасть в ярость — таковы галлы, так они вели себя на протяжении своей истории...»

Эмиль Тевено — историк, почетный президент Археологического общества города Бон.

весь
мир
знаний

ВЕСЬ МИР ЗНАНИЙ – широкая по тематике образовательная серия. Авторы – ведущие отечественные и зарубежные ученые – дают ключ к пониманию проблем современной науки. Доступные, увлекательные тексты рассчитаны на самую широкую аудиторию и в первую очередь на тех, кто учится и учит.

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

А. Андреев ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Д. Кеон БУДДИЗМ

К. Кнотт ИНДУИЗМ

Н. Коронковский НАША ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

Д. Кристал АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ

А. Никифоров ЛОГИКА

К. Фараджев РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

М. Федорова КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Э. Фромм ФРЕЙД

Д. Харитонович МАСОНСТВО

Л. Хахалин ПЕДИАТРИЯ

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

В. Агеев СЕМИОТИКА

К. Бек ИСТОРИЯ ВЕНЕЦИИ

Р. Дюфресс НАПОЛЕОН

Х. Клаут ИСТОРИЯ ЛОНДОНА

И. Комбо ИСТОРИЯ ПАРИЖА

Э. Кормышева ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Е. Кравченко МАКС ВЕБЕР

С. Морисон КРЕСТОНОСЦЫ

ЭМИЛЬ ТЕВЕНО

ИСТОРИЯ ГАЛЛОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР»
2002

УДК 94(44)01
ББК 63.3(4Фра)
Т 29

Перевод с французского Е.Ю. Леоновой
Редактор Е.И. Солдаткина

Тевено Эмиль

Т 29 История галлов. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. — 160 с. — (Весь Мир Знаний).
ISBN 5-7777-0215-5

Вы можете вообще ничего не знать о Галлии и галлах, но выражение Юлия Цезаря «перейти Рубикон» слышали наверняка. Река Рубикон отделяла Италию от территории Галлии, заселенной кельтскими племенами, или галлами, как их называли римляне. Об этом удивительном народе, его языке, нравах, религиозных представлениях, обрядах и традициях живо и интересно, с привлечением различных источников рассказывает автор этой книги — известный историк Эмиль Тевено.

Девятое издание книги, подготовленное
Кристианом Тевено, вышло
в *Presses Universitaires de France* в 1996 г.
под названием *Emile Thevenot. Histoire des Gaulois*.

УДК 94(44)01
ББК 63.3(4Фра)

Весь Мир Знаний™ — зарегистрированный торговый знак
Издательства «Весь Мир» (№ 180520 от 8.10.1999)

ISBN 5-7777-0215-5

© Presses Universitaires de France, 1946
© Перевод на русский язык, оформление —
Издательство «Весь Мир», 2002

Глава I

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КЕЛЬТОВ В ГАЛЛИЮ

1. Галлия до галлов. Каменный век. Кельты были далеко не первыми людьми на территории Галлии, они словно опоздали к началу ее заселения, и им досталось «пожинать плоды» развития первобытного общества, существовавшего там уже не одно тысячелетие. Прежде всего, не вдаваясь в детали, отметим, что в основном переселение кельтов в Галлию происходило в 1-м тысячелетии до н.э., что примерно совпадает с железным веком. Нам нет необходимости приводить головокружительные цифры: какие-нибудь три тысячи лет, отделяющие нас от кельтских вторжений, разумеется, не столь большой срок в сравнении с многими веками, в течение которых люди боролись за свое существование на земле Франции.

Было бы грубой ошибкой приписывать галлам все достижения доримской цивилизации. Галлы в полной мере воспользовались результатами усилий своих предшественников. Письменные источники не дают нам никаких или почти никаких сведений о народах, живших до галлов; поостережемся делать вывод, что эти народы были дикими

и не оставили ничего долговечного. Люди эпохи неолита начали работать на земле, от них, возможно, и пошла агрикультура: они были первоходцами, корчевали леса, прокладывали к обрабатываемым землям тропинки. Они сформировали облик древнейших поселений человека: это либо свайные деревни либо городища, в которых жители находили укрытие в военное время.

Представление о народах, живших в конце эпохи неолита, дает нам лингвистика. Сравнение большого числа языков Европы и Индии позволило выявить бесспорные связи между ними. Вывод о родстве языков можно сделать не только анализируя их словарный состав, но и находя сходства морфологические и синтаксические, что является еще более убедительным доказательством. Трудно объяснить столь близкие аналогии, отвергая идею существования если не праязыка, на котором говорили в отдаленную эпоху, то по крайней мере общей системы языковых явлений.

Основываясь на таких наблюдениях, ученые XIX столетия выдвинули гипотезу о существовании народа или нескольких народов, которых они называли то арийцами, то индоевропейцами. Эти народы, выходцы из определенного места обитания, в разные и весьма давние времена прошли с завоеваниями, в одном направлении до Индии, в другом — по всей Европе. Ученые полагали, что, изучая слова, общие для индоевропейских языков, можно получить сведения о первоначальной области расселения людей, говоривших на этих

языках, об их общественном устройстве, образе жизни и даже об их представлениях о мире настоящем и будущем. По поводу сделанных выводов разгорелись ожесточенные споры; впрочем, выводы эти так и остались сомнительными. Во всяком случае, трудно объяснить тот или иной доисторический период приходом арийцев, заявляют археологи, поскольку обнаруживается удивительная последовательность в развитии коренной культуры во времена неолита.

2. Бронзовый век. То же самое наблюдается и в последующую эпоху — эпоху бронзы. Политическое и общественное положение нашей страны в этот период тоже окутано тайной. Открытие нового металла, по-видимому, явилось причиной того, что народы стали перемещаться по территории Европы на большие расстояния. История донесла до нас несколько названий, одно из которых, лигуры, в течение некоторого времени воспринималось по-разному. Многие историки вслед за д'Арбуа де Жюбенвилем и Жюллианом, пораженные тем, как широко распространены названия мест, образованные с помощью суффикса *-ascos-asca*, считавшегося лигурским, указывали на существование большого сообщества племен на западе, главенствующую роль в котором играли лигуры. Но оказалось, что это не более чем иллюзия. На этом основании Жозеф Дешелет, отмечая различия в погребальных обрядах и ремесленном производстве, отказывался признать этническое единство Западной Европы в эпоху

бронзы. Позднее Берто пророверг собственно лингвистические аргументы в пользу единства лигуров. По данным позднейших исследований название «лигуры» может обозначать только племена, населявшие в эпоху бронзы долину Роны и север Италии. Таким образом, можно безоговорочно согласиться с мнением Анри Юбера: «Французская нация ведет начало от кельтов; до них — неясное прошлое, без истории и даже без имени».

Что касается данных археологии, то они, напротив, заслуживают нашего самого пристального внимания. В бронзовом веке начинается быстрое развитие товарообмена между народами и регулярное использование проезжих путей. Процветает торговля янтарем; ценный материал везут с северо-востока, с берегов Северного и Балтийского морей, в долину в среднем течении Рейна, откуда он попадает к нам через Бургундские ворота. Все большее место в деятельности людей занимает добыча соли. Ее добывают в месторождениях на востоке, а также в соляных болотах на Атлантическом побережье, откуда развозят в другие районы. Однако прежде всего торговля медью и оловом заставляет людей совершать обменные операции между удаленными областями. Историки, изучающие первобытное общество, полагают, что сначала бронза проникла в Галлию одновременно через Атлантику и по Дунаю. Позднее, в четвертом периоде бронзового века (1300—1000 до н.э.), руду станут привозить с Британских островов. Наряду с интенсивным развитием товарообмена в бронзовом веке шло быстрое развитие земледе-

лия. Если в эпоху неолита люди были вынуждены возделывать только легкую почву плоскогорий, то в бронзовом веке, благодаря появлению металлических орудий, они могли понемногу осваивать тяжелые, но более плодородные земли равнин.

Важные изменения произошли также в сфере погребальных обрядов. Курганные захоронения с использованием могильных плит появляются сначала на востоке Франции. Это новшество пришло вместе с иноземцами. Курганы можно встретить в наших восточных департаментах, во Франш-Конте и Бургундии, а также в Швейцарии. В третий период бронзового века (1600—1300 до н.э.) курганов становится больше и распространяются они вплоть до департаментов Лозер на юге и Верхняя Марна на северо-западе. Судя по всему, это говорит не о внезапном вторжении, не о переселении в определенный отрезок времени, но скорее о непрерывном проникновении иноземцев на протяжении нескольких веков. Однако влияние переселенцев, насыпающих курганы, было весьма сильным и длительным. Существование этих людей, усиление их роли среди предшествующих завоевателей ставит проблему идентификации, интересующую нас в первую очередь. Проблема эта усложняется тем, что археологи, изучая хронологически период сооружения курганов, все чаще обнаруживают другой тип захоронений. Начиная со времени, датируемого специалистами приблизительно 1200 г. до н.э., на востоке Франции появляются захоронения с трупосожжением, образующие в буквальном

смысле «урновые поля». Прах помещали в широкую урну с округлыми боками, закрывающуюся крышкой; в могилу клали разнообразный, но весьма характерный инвентарь. Выяснилось, что среди людей, хоронивших прах покойников в погребальных урнах, встречались этнические элементы, пришедшие частично с востока Европы и не лучшим образом повлиявшие на культуру местного населения эпохи бронзы. Вот почему немецкие ученые, много сделавшие для того, чтобы выявить и определить эту новую волну вторжения, назвали ее «культурой полей погребальных урн». Было также замечено, что в самой Франции следует четко различать, хронологически и типологически, «урновые поля» на востоке и на юге страны; последние относятся к более позднему периоду и связываются с каталонской группой племен. Речь, таким образом, идет о культуре, существовавшей весьма длительное время и видоизменявшейся. Являлись ли носители культуры полей погребальных урн тоже кельтами или же это был другой народ? Если верно последнее, то в какой мере они были связаны с кельтами? Возникает множество вопросов, на которые еще нет окончательных ответов.

3. Первоначальное место обитания кельтов; их приход в Галлию. Прежде всего необходимо уточнить, где изначально жили кельты. Античные авторы дают на этот счет весьма неопределенные и даже противоречивые сведения. Геродот располагал Кельтику в верховьях Дуная;

к сожалению, столь четкое указание места обесценивается тем, что тот же историк полагал, будто Дунай берет свое начало в Пиренеях. Греческие географы предлагают искать кельтов на равнинах северной Германии, на полуострове и прилегающих островах Дании. Значительно позднее Тимаген, живший во времена Августа, изложил друидическую концепцию, согласно которой часть кельтского населения якобы составляли коренные жители, тогда как другую — пришельцы с далеких островов и зарейнских областей. Основываясь на всех этих текстах, Жюллиан предлагал поместить древнюю родину кельтов на самые удаленные берега Северного моря, вблизи Фризских островов и Ютландии.

Неопределенность сведений, содержащихся в текстах, побудила ученых иными путями искать достоверные данные. Изучение названий мест позволило вплотную подойти к проблеме и, похоже, найти удовлетворительное решение. Можно предположить, что там, где в отдаленную эпоху жили кельты, они по-своему называли формы рельефа, водные пути, древнейшие поселения. Так, в конце XIX в. д'Арбуа де Жюбенвиль выявил обширную зону распространения кельтских имен в топонимии юга Германии. Второй частью многих составных названий городов является типично кельтское слово *-dunum*, обозначающее укрепленное место. Город в Вестфалии (сегодня это Метельн-ан-дер-Вехте) некогда назывался Медиоланум, как и Милан в долине реки По, Эвре и Сент во Франции. В сравнении с названиями на-

селенных пунктов, которые появились позднее, более показательны наименования гор и рек. Последние, как единодушно утверждают топонимисты, из всех названий мест самые древние. Они сохранили язык населения, жившего на данной территории в очень давнюю эпоху. В таком случае нельзя не согласиться с Полем Лёбелем, что кельтские корни, обозначающие водные пути, среди которых *deva* (= богиня или божественная река), *dubron*, *dubra* (= вода), *matra* (= мать или богиня-мать), *nantu* (= долина, река), *renos* (= бурная река), дали наименования, встречающиеся на весьма обширной территории, которая охватывает несколько стран Западной Европы, но имеет общую зону в южной Германии. Область распространения кельтских имен, выявленных таким образом на юго-западе Германии, представляет собой большой треугольник, простирающийся от Богемии до Рейна.

Итак, опираясь на такого рода факты, Юбер определил местоположение первобытной Кельтики в означенных пределах. В доказательство ученый привел аргументы, основанные на данных как лингвистики, так и археологии. Сравнение кельтских языков с другими языками древних народов, населявших Европу, позволяет обнаружить убедительное сходство. Подводя итог своим исследованиям, Юбер заявляет, что подобное сходство предполагает существование многочисленных связей с населением балтийско-славянского региона, обширную территорию соприкосновения с германскими племенами и более или менее тесную общ-

ность с италиками в эпоху не столь отдаленную; эти сложные отношения полностью проявились ближе к центру Европы, к Богемии. Археология, в свою очередь, подтвердила данные изучения топонимии. Археологическая карта первого периода латенской культуры совпадает с ареалом кельтских названий мест в южной Германии. Принадлежность латенской культуры кельтам больше ни у кого не вызывает сомнений. Таким образом, изучаем ли мы язык кельтов, ищем ли следы кельтской трудовой деятельности, исследуем ли древнейшую топонимию, которую можно считать кельтской, мы неизбежно попадаем в область, лежащую по обеим берегам верхнего Дуная, иначе говоря, в область, которую старик Геродот и обозначил как первоначальную территорию Кельтики.

4. Время прихода кельтов. Первоначальное место обитания кельтов, признанное д'Арбуа де Жюбенвилем и Дешелетом и весьма авторитетно подтвержденное Юбером, сегодня почти не вызывает споров. Остается выяснить, правомерно ли отождествлять с кельтами носителей культуры курганных погребений, в эпоху бронзы проникших и распространившихся в восточной и центральной Галлии. Такой способ погребения был новшеством во Франции, и его вполне могли внедрить пришельцы. Чтобы указать место, откуда они пришли, необходимо выяснить, где в это же время или ранее бытовал такой погребальный обряд. Оказывается, захоронение в курганах было повседневной практикой на юге Германии с конца

неолита. Если признать, что рассматриваемая с этой точки зрения область соответствует древнейшей Кельтике, то возникает соблазн считать кельтами племена, проникшие в Галлию в эпоху бронзы.

Такой взгляд на проблему отодвигает на несколько сотен лет время появления кельтов в Галлии. Прежде считалось, что это произошло около VII в. до н.э. Еще несколько лет назад Жюллиан называл середину VI в. Он основывался на тексте Авиена, передающего рассказ о прибрежном плавании, предпринятом около 500 г.; из текста можно понять, что кельты, прибывшие то ли морским путем, то ли сухопутным — в последнем случае двигаясь вдоль берега моря, — в недавнем времени подвергли опустошению север Франции. Этот же текст позволил Жюллиану высказать мнение, что кельты прибыли с полуострова Ютландия. Подобные сведения, почерпнутые из текстов малопонятных, допускающих различные толкования, не столь ценны по сравнению с данными археологии и топонимии. Взгляды Жюллиана были тотчас же опровергнуты Дешелетом. Ученый-археолог обращал внимание на то, что гальштатская культура не была представлена на полуострове Ютландия; с другой стороны, он подчеркивал сходство между погребениями, относящимися к гальштатской культуре (ранний железный век), и погребениями бронзового века на востоке Франции. Учитывая все это, ученый делал вывод, что кельты пришли на земли Галлии в бронзовом веке. Совсем недавно Гренье высказался по поводу неточ-

ности литературной традиции. Он допускает, что экспансия кельтов могла происходить гораздо раньше общепринятой даты и носить характер не вторжения, а, скорее, постепенного, волнообразного проникновения в течение нескольких веков. Скрупулезные изыскания Анри Юбера уводят нас в далекое прошлое: именно в эпоху бронзы и особенно в ее третий период (1600–1300 до н.э.) кельты, пришедшие с юга Германии, постепенно проникли в восточную и центральную Галлию.

5. Этапы проникновения кельтов в Галлию.

Расселение в эпоху бронзы, пока еще не такое плотное, — всего лишь прелюдия к тому, что будет происходить в раннем железном веке, иначе говоря, в гальштатскую эпоху. Археологи отмечают: область распространения курганов меняется довольно мало, но само их количество существенно увеличивается. Курганы встречаются на территориях современных департаментов: Мёрт-э-Мозель, Вогезы, Верхняя Марна, Юра́, Эн, Кот-д'Ор, Ньевр, Шер, Вьенна, Канталь, Лозер, Аверон, Ло и Дром. Создается впечатление, что в двух областях кельтское население было особенно многочисленно: это прежде всего Кот-д'Ор — долина в верховье Сены, известняковые плато, возвышающиеся над Кот (Шом д'Овене), и долина реки Уш, а также окрестности Сален-Арбуа в Юра. Было обследовано более сорока тысяч курганов. Надо сказать, что курганы, относящиеся к гальштатской культуре, соседствуют с курганами бронзового века, располагаясь вокруг одного и того же поселения; это

обстоятельство лишний раз доказывает, что и те и другие сооружены одним народом. Вместе с тем значительное увеличение числа курганов не связано с естественным ростом численности населения. Значит, необходимо признать появление в указанных областях других племен, пришедших с правого берега Рейна. Это переселение идет особенно интенсивно в конце гальштатской эпохи (700—500 до н.э.). В Лотарингии, Шатийоннэ и центре Галлии в большом количестве добывается железная руда. На месте изготавливаются тяжелые мечи, которые обеспечивают кельтам господство в данной местности. Так, до середины 1-го тысячелетия до н.э. к западу от Рейна образовалась обширная Кельтика, область целиком континентальная, охватившая центральную и восточную Галлию. Юго-западные пределы Кельтики лежали, по-видимому, лишь немного далее гребней Центрального массива.

В конце раннего железного века эта первоначальная Кельтика характеризуется уже весьма высоким уровнем развития культуры, если судить по удивительному открытию в Виксе (Кот-д'Ор). Осенью 1952 г. Р. Жоффруа исследовал большое курганное погребение у подножия холма Лассуа на севере Шатийон-сюр-Сен. В центральной части захоронения находилась великолепно убранная погребальная комната. В северо-западном углу комнаты стоял огромный кратер, известный благодаря множеству публикаций; к нему прилагались крышка, две греческие чаши, фиал для черпания и ойнохоя для разливания вина.

Посреди комнаты стояла колесница, в которую было положено тело женщины лет тридцати, в богатых украшениях, в частности с массивной золотой диадемой на голове. Найденные в могильнике предметы — либо греческого и этрусского, либо местного происхождения. Ко второй группе предметов следует отнести, кроме колесницы, ножные браслеты и фибулы последнего периода гальштатской культуры, около 500 г. до н.э.

По мнению археологов, можно проследить сходство между могильником Вика и множеством захоронений с колесницами, найденных в том же районе Кот-д'Ор и также имеющим отношение к пришельцам на холм Лассуа. Они в полной мере открывают нам богатство этой культуры. Поскольку одно из таких «царских» захоронений — женское, можно предположить, что в среде кельтской знати той эпохи женщина занимала высокое общественное положение. Таким образом, открытие Вика, несмотря на порожденные им вопросы, пролило яркий свет на проблему уровня развития кельтского общества, способного приобрести и оценить столь восхитительные произведения искусства, а также на проблему раннего проникновения греко-италийских культур на север Альп. На сегодняшний день в Шампани найдено 250 захоронений с колесницами.

Примерно в эту же эпоху кельты ненадолго обосновались на юге Галлии. В то время как некоторые группы кельтов пересекли Лангедок и юго-запад и направились дальше, в Испанию, коренное население, укрывшись на холмах, таких, как Ансе-

рюн (Эро), продолжало вести традиционный образ жизни. Раскопки, с неизменным упорством проводившиеся аббатом Сигалем и профессором Жанноре, позволили изменить представление о том, как шло заселение этих земель. Долгое время бытовавшей гипотезе о вторжении народа, пришедшего из Испании и якобы населившего страну вплоть до Роны, несомненно, следует предпочесть утверждение Жанноре об изначальной идентичности земледельческих племен, живших по обе стороны Пиренейского хребта. Этим объясняется сходство керамических изделий, постоянное употребление в Ансерюне некоего общего языка, выявленного через «иберские» граффити. Кроме того, это население с давних пор кое-что заимствует у греков, а примерно с 230 г. — и у кельтов. Именно тогда кельты уходят с плато и смешиваются с местным населением Лангедокской равнины, но не ассимилируют его. В это же время другие группы племен спустились по долине Роны и, более или менее смешавшись с лигурами, около V в. расселились вдоль провансальских берегов. Фокейская Массилия (Марсель) около 400 г. подверглась нападению союза племен, вождь которого носил довольно типичное кельтское имя Катуманд. Таким образом, V в. до н.э. — время довольно бурное. «Это были, — пишет Жюллиан, — беспрестанные, из конца в конец, перемещения племен в поисках незанятых земель. Помимо уже сформировавшихся народов, двигались массы соседних племен в поисках счастья, неся свое национальное имя за 100 лье от первичного места обитания».

Такие грандиозные перемещения были вызваны отчасти тем, что слишком много племен уже пришли в Галлию, а отчасти — что новые племена в массовом порядке перебирались через Рейн и вытесняли ранее пришедших. Эта гипотеза рождалась из того факта, что, в частности, такой северо-восточный департамент, как Марна, который в эпоху Гальштата был, по всей видимости, безлюден, в среднем железном веке (латенская культура I: с 400 по 300 г.) становится весьма плотно населенным. Швейцарию тоже наводняют переселенцы. Поскольку латенская культура вначале появляется в Германии, следует признать, что массы переселенцев, покинувшие в V в. правый берег Рейна, заселили Шампань и Швейцарию. Это они принесли с собой обычай помещать в захоронение колесницу, что было более характерно для юга в конце раннего железного века. Что до роскошных захоронений, то вопрос состоит в том, являлись ли они делом рук белгов, которых Цезарь упоминает как жителей северной Галлии? Дешелет отвечает на этот вопрос отрицательно. Люди, соорудившие могильники в Шампани, принадлежали к древним кельтам, к богатым племенам, находившимся в тесных отношениях с жителями южных районов. Белги, напротив, были народом, не расположенным вступать в торговые отношения с другими народами. Их захоронения представляют тип не трупоположения, а трупосожжения и относятся к латенской культуре III (последний век до нашей эры).

Миграция белгов, таким образом, должна была происходить в эпоху не столь отдаленную, са-

мое раннее — начиная с IV в. Несомненно, белги пришли с восточной окраины Кельтики, граничившей с германцами. Следствием такого длительного контакта было некоторое сходство обычаев. Белги, как и германцы, кремировали умерших. Более рослые и более светловолосые, чем кельты, белги славились своим несгибаемым мужеством. Население, жившее по берегам Ла-Манша и прежде избежавшее господства кельтов, в результате проникновения в Галлию белгов было вытеснено или, по меньшей мере, окончательно покорено. Постепенно белги заняли все пространство между Рейном и морем и к северу от Сены. Их массированное вторжение вызывало то тут, то там волнение среди кельтов, уже обосновавшихся в Галлии. Со временем основы существования племен оказались подорваны, людям пришлось сняться с мест и отправиться на поиски других земель. Так, секваны, название которых, вероятно, означало «племя, живущее в верховьях Сены», в этот период покинули берега реки и переселились в Юра, где мы находим их во времена Цезаря.

Есть основания полагать, что самое позднее в конце III в. кельты окончательно заселили всю территорию Галлии — от Рейна до Пиренеев и от Ла-Манша до Прованса. В 218 г., когда Ганнибал пересекал юг страны, он встречал на своем пути только галлов. Кельтское господство в Галлии является лишь этапом больших кельтских завоеваний, растянувшихся во времени и пространстве. В результате наиболее древней миграции, происходившей во 2-м тысячелетии до н.э., гуаделы оказались в Ирландии и Шотлан-

дии, потом другие племена в эпоху бронзы достигли Англии и одновременно проникли в Галлию. Затем, в железном веке, кельты из Галлии перебрались в Испанию, предпринимали походы на равнину реки По в Италии, в центральную и юго-восточную Европу, а также на Восток (Галатия). Слово «кельт» стало известно во всех концах континента и даже в Малой Азии. Экспансия кельтов достигла наибольшего размаха в III в. Скрупулезные исследования польских археологов выявили следы проникновения кельтов, особенно заметные в Малопольше (II в. до н.э.). Однако ни в какой отрезок времени нельзя говорить о кельтской империи. Никогда не существовало никакого политического единения между завоевателями удаленных друг от друга территорий, если эти территории не были связаны географически. К тому же кельты почти всюду получали отпор или быстро оказывались поработченными. В одном и том же веке завоевательная активность кельтов достигла наивысшей точки и начался их стремительный упадок. Галлия осталась единственной областью, где они смогли сохранить главенствующее положение. Им не хватило времени, чтобы упрочить свое господство. Римское государство, в принципе гораздо более сильное, очень быстро лишило их самостоятельности.

Итак, история галльских кельтов — галлов, как мы станем впредь их называть, — это история незаконченная. Попытаемся хотя бы подвести итоги того, чего им удалось достигнуть.

Глава 2

ГАЛЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПЛЕМЕНА И ОБЩИНЫ

Чтобы оценить достижения наших предков, нам необходимо расширить собственные представления о галлах. Прежде всего нужно изучить их общество, узнать, какие народы населяли Галлию и как они распределялись на ее территории. Затем мы исследуем, какого уровня развития цивилизации они достигли.

1. Внешний вид галлов. Мы располагаем двоякого рода документами, дающими представление о том, как выглядели галлы: с одной стороны, это более или менее подробные описания, оставленные античными авторами, а с другой — изображения кельтов в классическом искусстве. И тем и другим сведениям не следует доверять полностью. Сравнивая эти источники, очень быстро замечаешь, что они дают скорее условный тип галла, нежели изображение живое и правдивое. Не все галлы были такими рослыми, светловолосыми и свирепыми, какими их описывали во времена античности. Антропологические исследования не позволяют дать им точную характеристику. Костные ос-

танки, которые могут быть отнесены к галлам, свидетельствуют о том, что роста они были самого разного; черепной индекс тоже не является постоянным. Поэтому не стоит отождествлять галла с рослым светловолосым долихоцефалом из северных областей. Сегодня все склонны полагать, что среди галлов выделяются несколько типов, если судить по росту и цвету волос. В целом можно сказать, что галлы были менее темные и более рослые, чем римляне, но не такие светлые и высокие, как германцы. Из галльских народов белги были и самые светлые, и самые рослые.

Наши предки уделяли большое внимание уходу за телом. Их чистоплотность прославляли писатели. Галлы умели изготавливать мыло и часто мыли голову известковой водой, чтобы осветлить волосы. Они носили длинную шевелюру, свисающие усы, но бороды брили. Добавим к этому, что галлы обожали всевозможные бусы и браслеты, яркие пестрые ткани, иногда украшенные золотыми нитями. Они носили в основном обувь на деревянной подошве, которую римляне называли *gallicae**. Что до их костюма, то он будет подробно описан, когда речь пойдет об изготовлении тканей, а пока скажем только, что он отличался прочностью и практичностью.

2. Общественные классы. Как большинство обществ древности, галльское состояло из людей свободных и людей, утративших свободу. Несом-

* Галльские сандалии (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

мненно, галлы использовали рабов. Цезарь мало пишет об этом, поскольку их положение было вполне сравнимо с положением рабов у средиземноморских народов. В эпоху, предшествовавшую завоеванию, на могиле умершего хозяина сжигали рабов, которых он ценил больше всего. Между хозяином и рабом могли установиться теплые отношения, и случалось, хозяин отпускал своего раба на свободу. Подневольное население не участвовало в военных делах. В целом у галлов было меньше рабов, чем у римлян, поскольку военнопленных — главный источник рабской силы — галлы по большей части приносили в жертву богам.

Свободные люди, помимо друидов, разделялись на два класса: простой народ и знать. Отсутствие середины — характерная черта галльского общества. У народа только и было что его многочисленность. Роль народа в общественных делах была ничтожной. Дело в том, что народ состоял из людей нищих или малоимущих; как правило, неспособные объединяться и что-либо сами предпринимать, они были вынуждены искать покровительства знатного человека. Разные причины толкали их на такую крайность. Цезарь называет три из них: долги, из которых они не могли выбраться, тяжесть налогов, притеснения со стороны богатых и знатных. Мы прекрасно понимаем, что кроется за обычными словами, какую страшную власть давало в руки аристократии богатство. Чтобы получить об этом более точное представление, перечитаем фрагмент из записок

Цезаря*, в котором повествуется о нравах германцев, но который проливает свет и на нравы галлов. Германцы не признавали личную собственность, поскольку режим ее побуждает людей к тому, чтобы владеть еще большей собственностью, и самые сильные оттесняют слабых и отнимают у них то небольшое, что они имеют; кроме того, такой режим провоцирует образование политических партий и порождает распри. Похоже, эта картина в точности соответствует тому, что происходило в Галлии.

Неимущие и малоимущие, если они не хотели вести бродяжническую жизнь, были обречены на то, чтобы пожертвовать свободой ради обеспечения себе минимума безопасности. Они шли под покровительство знатного человека и становились тем, что римляне называли «его клиентами»; в обмен на поддержку они поступали целиком в его распоряжение. Одни клиенты работали на полях, занимались каким-нибудь ремеслом или выполняли домашнюю работу; их положение, по словам Цезаря, было сравнимо с положением рабов. Другие, наиболее уважаемые, были воинами на службе у господина. Их называли *ambacts* — амбакты, то есть «те, кто находятся вокруг». Амбакты составляли элитное войско, готовое в любой момент прийти на выручку своему покровителю. Перед поступлением на службу они давали ему клятву и должны были разделять с ним удачу и неудачу, так как покинуть своего господина, да-

* «Записки о Галльской войне» (*De bello Gallico*).

же в безнадежной ситуации, по галльскому обычаю считалось преступлением.

Это была самая завидная участь, на которую могли рассчитывать простолюдины. Их социальной группе крайне трудно было найти подходящий момент, чтобы голос ее услышали или чтобы вмешаться в ход политических событий. И все же иногда простолюдинам удавалось это сделать косвенным путем, когда в ходе борьбы мнений и предпочтений они оказывали доверие тому, кто был готов, как казалось, оправдать их чаяния. Так, в 51 г. белловаки были главными зачинщиками войны против Цезаря: чтобы добиться начала боевых действий, они стали подчиняться Коррею, стороннику войны. В 56 г. аулерки-эбуровики и лексовии пошли еще дальше: они уничтожили свой сенат, который отказался вступить в войну против римлян. Следует отметить, что в большинстве случаев, за исключением очень редко вспыхивавших восстаний, народ вмешивался в ту или иную ситуацию только через посредство господина, которого сам себе выбирал, и вовсе не народ диктовал, как следовало действовать. Позднейшие исследования показывают, что подлинной властью обладала знать.

Выделить знатного человека среди простолюдинов позволял внешний признак. Подобно римским всадникам, галльская знать была на конях. Между нею и простым народом не существовало непроходимых барьеров, и не может идти речи о кастах в галльском обществе. Героизм на войне, благосклонность влиятельного лица и просто богатство были средствами перехода из одной социальной

группы в другую. Виридомар, один из предводителей эдуев в 52 г., был низкого происхождения и своим возвышением был обязан Дивитиаку и Цезарю. Существовало несколько уровней знатности. На самом низшем находились «люди почетного происхождения», затем, вероятно, — «люди прославленные» и наконец — «самые знатные». На высшей ступени стояли представители старинных родов, могущие похвастаться длинной вереницей предков. Некоторые с гордостью говорили о том, какое место в обществе занимали их родственники, среди которых были цари, легендарные герои. Те же, кто своей знатностью были обязаны главным образом богатству, да еще и недавно приобретенному, стояли ниже их. Однако почти всегда богатство шло рука об руку со знатностью, поскольку принадлежность к аристократии особенно благоприятствовала обогащению, а богатство состояло прежде всего — и мы это увидим — в земельной собственности.

Чем больше у знатного человека было клиентов и амбактов, тем более влиятельным он считался. Только представители аристократии получали различные должности и могли командовать войском. В случае если два знатных человека пользовались одинаковым влиянием, между ними нередко возникало соперничество за получение важных должностей; каждый из претендентов собирал толпу своих клиентов, вследствие чего могла вспыхнуть гражданская война.

3. Друиды. Друидами, по всей вероятности, становились представители аристократии. У нас

нет точных сведений о происхождении друидизма и времени возникновения этого института. Набирали молодых людей из знатных семей, они шли в жрецы по своей инициативе либо по совету родителей. Почет, которым были окружены друиды, и привилегии, которыми они пользовались, обеспечивали большой приток новичков. Период послушничества был очень длительным, иногда он продолжался двадцать лет. Впрочем, друиды, хоть и не могли занимать гражданских должностей, отнюдь не находились в стороне от общества. К безбрачию их, похоже, не принуждали. Им не запрещалось иметь собственность и стремиться к обогащению. Не жили они и монашеской жизнью; теория Бертрана, устанавливающая параллель между так называемыми коллегиями друидов и организацией тибетских лам, судя по всему, не соответствует действительности. В самом деле, мы видим, что друид Дивитиак из племени эдуев принимал активное участие в жизни общины. Он ездил с посольством в Рим, был знаком с Цицероном. Во время Галльской войны он играл заметную роль в окружении Цезаря, а в 57 г. даже самостоятельно командовал войском. И все же друиды участвовали в военной жизни по собственной воле, никто не обязывал их осваивать воинское ремесло, равно как и платить налоги.

У нас нет данных ни о численности друидов, ни о возможных ступенях жреческой иерархии. Подобно различным степеням знатности, существовали и степени жреческого достоинства. Друиды из разных мест, по крайней мере друиды Кель-

тики, образовывали мощную корпорацию и признавали верховным главой кого-то из своей среды. Этот первосвященник, назначаемый пожизненно, пользовался у всех жрецов непрекращаемым авторитетом. После его смерти наиболее достойный занимал его место. В случае если у нескольких друидов были равные заслуги, прибегали к выборам; иногда между претендентами возникали драки и победивший становился верховным главой. Такой турнир, без сомнения, был отголоском времен, когда все отношения между людьми регулировались правом сильнейшего.

Ежегодно в определенное время друиды собирались в священном месте для решения общих вопросов. Место сбора находилось на территории племени карнутов; выбор его имел символическое значение, поскольку местность, населенная карнутами, считалась центром Галлии и почти соответствовала центру Кельтики и Белгики, взятым как одно целое. Есть основания предполагать, что собрание проходило во время летнего солнцестояния в священной роще. Друиды делали торжественные жертвоприношения богам и с большой пышностью исполняли роль арбитров. Они были компетентны в вопросах о наследстве, собственности, в делах криминального характера. Если верить Цезарю, то почти все споры между частными лицами и распри между народами подпадали под юрисдикцию друидов. Здесь есть некоторое преувеличение. Вероятно, им было нелегко справляться с задиристым нравом галлов. Действительно, Страбон описывает друидов исключительно

как судей, решения которых признавались тяжущимися сторонами, но не навязывались им.

На частных лиц решения друидов могли оказывать действие потому, что друиды имели возможность сурово наказывать. Приговоренных, которые не повиновались вынесенному приговору, буквально изгоняли из общества. Их считали нечестивцами и злодеями, толпа расступалась при их появлении. Их избегали, поскольку считали людьми, запятнанными нравственным пороком; с ними не разговаривали, старались даже не приближаться к ним, боясь замараться; они не могли нигде больше требовать правосудия. Что касается отношений между народами, то здесь суд друидов, по-видимому, достиг не столь впечатляющих результатов. Галлия была раздираема бесконечным соперничеством одного народа с другим, которое часто выливалось в кровавые столкновения. Если бы друидам удавалось препятствовать этим распрям или, по крайней мере, предлагать приемлемое для всех решение конфликта, то эти столкновения не заняли бы столь значительного места в истории независимой Галлии. К сожалению, ничто не получило большей известности, чем борьба за господство между эдуями и арвернами, а спор из-за границ между эдуями и секванами принял затяжной характер. Стало быть, государства мало считались с авторитетом друидов. Удивительный парадокс, но именно галлы, народ, более всего склонный к спорам и менее всего — к дисциплине, дает нам прообраз международного арбитражного суда. Несмотря на скромные резуль-

таты, которых добивались друиды, заслуга их в том, что они пытались устранять разногласия и причины, толкающие к войне, посредством справедливых судебных решений.

4. Социальные группы. Семья. Галльская семья целиком строилась на авторитете отца, который имел неограниченную власть над членами семьи, живущими в его доме. Подобно римскому *pater familias* глава семьи у галлов распоряжался жизнью и смертью жены и детей. Мы ничего не знаем о том, какие условия подготавливали вступление в брак и какие церемонии санкционировали это вступление. Полигамия, имевшая место у германцев, и женские общины, бытовавшие у бретонцев, у галлов не были приняты, во всяком случае в I в. Из записок Цезаря следует, что галлы конца эпохи независимости имели только одну жену — такой вывод подтверждается существованием настоящего брачного контракта. По контракту жена приносила в семью приданое деньгами; муж, со своей стороны, должен был удвоить эти средства внесением равноценного имущества. Супруги становились совладельцами семейного достояния. Приносимая прибыль аккуратно подсчитывалась, и, если один из супругов умирал, имущество и часть доходов от него становились исключительной собственностью живущего супруга. Такой контракт ставил жену в абсолютно равное положение с мужем. На практике же злоупотребления могли проистекать из права мужа распоряжаться жизнью жены. С другой стороны, если

умирал муж, право жены не осуществлялось немедленно и безоговорочно. Собирался семейный совет и обсуждал обстоятельства кончины. В случае сомнения женщину тотчас же с пристрастием допрашивали и если изобличали в преступлении, то предавали мучительной смерти.

Такие обычаи оставляли место для произвола и насилия. Они напоминают еще более далекие времена, когда женщина целиком находилась во власти мужчины. Нравы изменились в лучшую сторону. Между отцом, его женой и детьми существовала истинная привязанность. Когда приближалась решающая битва, галльские всадники давали торжественную клятву. Они клялись, если не пересекут дважды ряды врагов, отречься от того, что им дороже всего на свете. А самое для них дорогое — это семейный очаг, дети, родители, жена. Мы не ожидали обнаружить такого сердечного тепла в столь неистовых воинах. Есть признаки, свидетельствующие о реальном влиянии жены на мужа. Так, политические союзы скреплялись браками. В 58 г. гельвет Оргеторикс, вождь секванов Кастик и вождь эдуев Думнорикс сговорились вернуть царскую власть и установить свое господство в Галлии. Оргеторикс отдал дочь замуж за Думнорикса. Брак увенчал достигнутое соглашение и превратил его в прочный союз.

Каково было положение детей — нам по большей части неизвестно. Несмотря на истинную любовь, которую отец, судя по всему вышесказанному, испытывал к потомству, им занимались исключительно женщины вплоть до поступления

подросших детей на воинскую службу. До этого времени мальчик не мог даже показаться на людях вместе с отцом. Рядом с воином сын должен был находиться только будучи при оружии, если не хотел опозорить того, кто произвел его на свет. Что касается обучения детей из аристократических семей, то этим занимались друиды.

5. Племя. Говоря о семье, мы рассматривали основную ячейку галльского общества. На ступень выше в общественной организации находилось племя, которое латины называли пагом (*pagus*). Объединение некоторого числа семей в племя восходит к древнейшим временам. Какие обстоятельства дали первоначальный импульс таким политическим объединениям? Тут мы можем только строить предположения. Вероятно, племя изначально объединяло потомков, ведущих свое происхождение от одного предка, иначе говоря, люди, составляющие племя, были связаны кровными узами. Эти узы становились менее ощутимыми с течением времени, когда представители племени, все более многочисленные, утрачивали чувство взаимного родства. Названия некоторых племен, явно происходящие от имени человека, например *pagus Verbigenus* у гельветов, являются веским аргументом в пользу такой гипотезы. С другой стороны, есть основания полагать, что только необходимость быть сильными и лучше защищать себя от врагов могла побуждать семьи соединяться в племя.

Как бы то ни было, племя появляется в Галлии как первичное политическое объединение. Вряд

ли мы сможем дать ему лучшее определение, чем то, которое дал Жюллиан: «Племя — это совокупность семей и отдельных людей, подчиняющихся общим вождям, именующихся одним названием, связанных коллективными решениями, живущих сходной жизнью и соседствующих на одной земле». Сплоченность племени выражалась по-разному. Единство взглядов во внутренней и внешней политике было делом совершенно естественным и являлось смыслом существования племени. Во время войны мужчины одного племени выступали под своими символами, стояли отдельным лагерем и действовали сообща; так, мы знаем, что гельветы переправлялись через Сону одно племя за другим, и это позволило Цезарю наголову разбить тигуринов, целиком находившихся на левом берегу. Религиозные узы были не менее крепкими: каждое племя имело свои святилища, своих богов-покровителей, как правило отличных от богов соседнего племени; так, благодаря надписи, найденной в Аспаррене, в Пиренеях, нам стало известно, что племя выражало благодарность некоему «духу-защитнику».

Эта общность мышления, верований и чаяний порождала истинное чувство локтя у мужчин племени, чувство подлинного братства. А прочность таких уз обеспечивалась природными условиями и границами территории, занимаемой племенем. Удивительно, в какой степени местность, населенная тем или иным племенем, соответствовала небольшим и очень типичным районам с четко очерченными естественными границами. Долина

или совокупность долин, орошаемых одной рекой, плато, равнина, полуостров — вот разновидности небольших по площади зон, в пределах которых обитало племя. Невозможно переоценить прозорливость наших далеких предков, которые, приняв во внимание естественные неровности земли, наметили границы, закрепившиеся на протяжении веков. Каждая территория отличалась своим климатом, определенным количеством солнечных дней в году и по-своему используемыми природными ресурсами.

Границы округов, почти всегда образованные такими естественными преградами, как горные хребты, цепи холмов, леса, болота, большая река, тщательно обследовались и благоговейно оберегались. Что касается размеров территорий, занимаемых племенами, то они у каждого племени были разные в той мере, в какой естественная перегороженность Галлии порождала разные по площади территориальные единицы. Равнины составляли пространства, в три-четыре раза большие, чем некоторые окруженные горами долины. Выяснилось, что в среднем их площадь составляла примерно 100 тыс. гектаров, из чего был сделан вывод, что вся Галлия насчитывала полтысячи племен.

6. Община. Племена были не самым крупным элементом в политической структуре галльского общества. Над племенами доминировали более мощные образования, которые античные авторы называли *народами* или *общинами*. Инициативу

в сближении соседних племен приписывают в основном галльским переселенцам. Эпоха создания первых общин могла совпасть в таком случае с эпохой массового переселения кельтов в раннем железном веке. Территориальная община — это объединение племен, заключивших между собой постоянное соглашение как на мирное время, так и на период войны. Такое объединение могло возникнуть спонтанно или вынужденно, оно могло быть более или менее тесным, могло объединять большее или меньшее число племен. Отсюда — весьма разнообразный характер складывавшихся народов. Количество объединившихся племен никогда не было очень большим. Число четыре, которое можно встретить у гельветов, у петрокориев, похоже, было наиболее частым. Разумеется, крупные народы центральной Кельтики насчитывали и больше племен, тогда как народы поменьше объединяли не более двух. Таким образом, по одним только размерам территорий и численности населения народы сильно отличались друг от друга.

Кроме того, прочность межплеменных связей у народов была неодинаковой. Идеальным было бы такое положение, когда каждое из племен при любых обстоятельствах забывало бы о своих интересах и помнило бы об интересах общины; вместо этого стремление сохранить свою самобытность слишком часто одерживало верх. Даже во внешней политике соглашение реализовывалось не всегда. Так, морины не могли избрать общую линию поведения по отношению к римским завоевателям: одни племена подчинились им, в то время

как другие отказались вступать с римлянами в какие бы то ни было отношения. Это позволяет заключить, какими непрочными были некоторые объединения. Нередки примеры их распада. Разве не факт, что в течение пятидесяти лет, предшествовавших римскому завоеванию, паризии отделились от сенонов, с которыми прежде составляли единое государство? У эбурунов, образованных двумя небольшими племенами, два царя делили между собой власть, руководя каждый своим племенем, а это свидетельствует о том, что идея верховной власти над племенами утвердилась еще не полностью и не повсеместно. «Галльские народы в I в., — пишет Юбер, — это результат постоянного процесса формирования и распада». Наиболее древние народы были, похоже, наиболее спаянными: к таковым можно отнести карнутов, битуригов, эдуев, арвернов в сердце Галлии. Именно у этих народов чаще всего будут развиваться тенденции к единению, и именно эти крупные государственные образования являлись как бы прообразами этого единения.

Спаянность внутри общин зависела также от обстоятельств, побуждавших племена объединяться, и от более или менее удачных последствий такого объединения. По всей видимости, общины возникали двумя путями: либо единение происходило по общему согласию, либо оно навязывалось более сильным племенем. Невозможно знать, как именно образовалась та или иная община. Даже в отношении арвернов и эдуев, чьим упорным стремлением к господству преисполнена

история последних веков независимости, нельзя утверждать, что их государство в своем первоначальном виде было порождено силой. Нам легче выявить цели, которые преследовали эти сообщества. Хорошо организованная община собирала дополнительные территории. Почти все общины располагались и на возвышенностях, и на низменностях. Аллоброги занимали и вершины Альп, и долину Роны. Карнuty владели наряду с равниной Бос холмами Перша. Общины, таким образом, были хозяйственными единицами. Торговые интересы тоже принимались во внимание. Нетрудно убедиться, что большие общины всегда возникали в долинах рек или, по крайней мере, на основных дорогах. Эдуи, вероятно самые искусные в политике, сумели установить свое господство одновременно в Ронском коридоре, в долине Луары и на путях из Соны в Сену. Дорога связывала напрямую Шалон с истоками Сены. Крепкие общины, возникшие в результате хорошо продуманного объединения, по своему местоположению соответствовали обширным природным районам, подобно тому как места обитания племен соответствовали тем или иным местностям. Именно по этой причине границы галльских общин, слегка измененные римской администрацией, позднее ставшие границами епархий, во многих случаях сохранились до наших времен; при старом режиме они совпадали с границами провинций и ныне порой совпадают с границами департаментов.

... ..

Глава 3

НАРОДЫ. ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ

1. Сведения о территориальных границах.

В последнем тысячелетии кельтские народы расселились в Галлии, смешавшись, в разных пропорциях, с местным населением. Кельтская колонизация происходила поэтапно, в разное время. Это обстоятельство повлекло за собой крайнее раздробление страны, где каждое племя выкраивало себе территорию для проживания. Записки Цезаря, дополненные текстами древних историков, из которых в этом отношении наиболее ценны свидетельства Страбона, Плиния и Иосифа, называют множество народов. Однако эти названия, как бы ни были они интересны, не вполне удовлетворяют наше любопытство. Едва произнесенные, они вызывают у нас вопросы, которые можно сформулировать так: каково местонахождение этих народов на карте Галлии? Какую по величине территорию занимал каждый народ и где проходили ее границы? Когда народы расселились на тех или иных территориях?

На последний вопрос очень трудно ответить. Документы не позволяют назвать точные даты.

Тексты, которыми мы располагаем, относятся к эпохе завоевания Галлии, а то и к более позднему времени. В них описывается главным образом положение Галлии в середине I в. до н.э. и лишь эпизодически приводятся сведения, важные для понимания предшествующих периодов. В отношении некоторых народов даты установить можно. Нам известно, что адюатуки составляли часть войск кимбров и тевтонов; на них была возложена задача охранять войсковое имущество; таким образом, они обосновались в Белгике, в долине реки Мёз, в 105 г. и оставались там после разгрома кимбров и тевтонов. Примерно тогда же гельветы, изгнанные с зарейнских земель, перешли реку и заняли Швейцарию. Что касается эдуев, то нам доподлинно известно, что в 125 г. они уже жили в Галлии, поскольку в это время они вели переговоры с Римом; очевидно, однако, что их расселение происходило в более раннюю эпоху.

Мы гораздо лучше осведомлены о расположении племен и даже о размерах занимаемых ими территорий на момент римского завоевания. Рассказы о походах Цезаря, описания, сделанные географами, позволяют определить местонахождение большинства народов. У нас нет уверенности только в отношении небольшого числа мелких племен. Что до территориальных границ, то они приблизительно известны благодаря названиям мест и церковных округов. Из всех топонимов, по видимому связанных с доримскими границами, самым четким, самым распространенным и, следовательно, самым характерным является тот, что

предстает в средневековых формах *Equoranda*, *Equaranda*. В современном французском языке это название существует в разных видах: *Ingrande* в долине Луары, *Eygurande* в Центральном массиве, *Ivrande* в Нормандии, *Arande*, *Avarande* в Шампани и Бургундии. Лет сто назад ученые впервые заметили, что такое название почти всегда встречается на границах старинных диоцезов. Целое столетие шло собирание и изучение фактов — эти данные не так давно были кратко изложены в работе П. Лёбеля, — что позволило выявить сотню вариантов этого топонима. Большинство названий встречается на пути из одной общины в другую. Некоторые переведены латинским словом *Fines*, обозначающим границу в дорожных документах первых веков. Так, галльское слово *Equoranda* состоит из двух частей, из которых вторая означает «граница», «предел», тогда как первую можно отнести к обозначению лошади. Словом *Equoranda*, по всей видимости, называли пункты, где меняли лошадей, расположенные на границах, установленных порой еще в далекой древности. Некоторые его варианты, обнаруженные внутри общинных земель, очевидно, указывают на более мелкое деление территорий или на изменения границ, существовавших задолго до наступления эры христианства.

С XII в. огромный интерес вызывают границы диоцезов, установленные до 1789 г. Если топонимия позволяет фиксировать только отдельные пункты, расположенные на древних границах, то церковные округа дают возможность восстано-

вить в общих чертах конфигурацию самих границ. Эта связь между диоцезами и территориями галло-римских общин IV в. н.э. является большой удачей для истории. Она возникла вследствие того, что при создании первых диоцезов церковь сохранила в деталях римские административные рамки. Границы диоцезов в принципе повторяли границы общин, в таком виде они и сохранились вплоть до Революции. Разумеется, нет правила без исключений. Некоторые епископства были упразднены, другие созданы, при этом границы подверглись небольшим изменениям. И все же эти исключения известны, и их нетрудно учитывать. Воссоздание границ общин IV в., таким образом, является делом не столь сложным.

Возникает вопрос: в какой мере можно рассчитывать на то, что имеющиеся данные позволят выявить территориальные границы доримской эпохи? Ответ: в довольно большой мере. Римские власти очень мало изменили географические рамки Галлии. Внутри крупных провинций, на которые была поделена Галлия, каждый народ сохранял свою собственную территорию, свой главный населенный пункт. Правда, то тут, то там из соображений политических подправлялись некоторые участки границ, однако такие изменения, похоже, были редкостью. Они мало касались самой линии границы и заключались в отделении или присоединении целиком какой-нибудь более мелкой территориальной единицы, например пага. Таким образом старинные диоцезы косвенно воспроизводят для нас, через границы Римского

государства, приблизительную картину территориального деления Галлии до завоевания. Именно с такими оговорками Лоньон, используя средневековые книги церковных доходов в диоцезах, смог впервые составить карту галльских общин. Несмотря на некоторые ошибки, эта карта дает довольно точное представление об относительной величине различных народов.

2. Народы, населявшие юго-восток Галлии и Аквитанию. Рассмотрим внимательно карту. Прежде всего мы видим Галлию, поделенную на четыре области — в соответствии с тем, как огрубленно разделил ее Цезарь. На юго-востоке *Провинция* включает в себя Лангедок и левый берег Роны вплоть до альпийских горных массивов. Эта часть Галлии была завоевана римлянами первой и превращена в провинцию в 121 г. К западу и к югу от Гаронны простирается *Аквитания*, где кельты смешались с иберами. Центральная часть Галлии представляет собой обширное, густонаселенное пространство, весьма справедливо названное *Кельтикой*, поскольку население там было более однородным. Кельты прочно обосновались на этих землях уже несколько веков назад. Наконец, к северу от Сены и Марны располагается *Белгика*, где начатки галльской культуры были ассимилированы и откуда они были частично вытеснены в ходе позднейших вторжений. Этот перечень заслуживает того, чтобы остаться в неизменном виде, поскольку он отражает разные этапы оккупации

Галлии и особенности, характерные для населения каждой из областей.

На территории, завоеванной римлянами в 121 г., к западу от Роны можно найти гельвиев, населявших Ардеш, а также многочисленный народ вольков, занимавший земли от средней Гаронны до низовьев Роны, вплоть до переправы близ города Бокер. Таким образом, они контролировали дорогу из Испании в Италию. Но, несмотря на столь выгодное положение, несмотря на размеры их владений, а также древний возраст их поселений и портов, они не смогли создать крепкое общество; напротив, они даже разделились — что доказывает их слабость — на вольков-тектосагов на юго-западе, центром которых, несомненно, являлась Тулуза, и вольков-арекомиков на северо-востоке, признававших столицей Ним, выросший вокруг священного источника Немаузуса. К востоку от Роны и на Средиземноморском побережье саллии занимали территорию нынешнего департамента Буш-дю-Рон и частично департамента Вар, иначе говоря, весь район, прилегающий к греческой Массилии, но они не сумели стать моряками и жили замкнуто на своих мало-плодородных землях. Кавары, обитавшие по соседству с ними севернее, в поречье Роны, имели преимущество владения богатыми равнинами Воклюза, что позволяло им мирно заниматься возделыванием земли. Выше по течению Роны мы, наконец, встретим могущественный народ аллоброгов, хозяев Савойи и части Дофине. Их города тянулись вдоль реки — это прежде всего

Виенна (Вьен), Генава (Женева), оба упоминаемые Цезарем, — или вдоль ее притока Изера — например, Гренобль, в те времена называвшийся Куларо. Народ доблестный, стремившийся к независимости, аллоброги оказали серьезное сопротивление Ганнибалу, а потом римлянам. Последний многочисленный народ, живший между Изером и Дюрансом, воконтии, считали Везон своим главным поселением. Еще далее на восток, вдоль дорог, ведущих к крупным перевалам, жили малые народы, скудные владения которых лежали одно за другим в долине: цевтроны в Тарантезе, медуллы в Морьене, усенны в Уазане, катуриги в верховье Дюранса.

Внутри треугольника, ограниченного Атлантическим побережьем, Гаронной и Пиренеями, обитала группа малых народов со своими характерными чертами. Проникновение к ним галлов, запоздалое и частичное, отнюдь не лишило их влияния иберов. Такие названия городов, как *Илиберрис*, нынешний Ош, а также имена богов долго напоминали о предшествовавших завоевателях. В старинных текстах фигурирует десятка два народов, зажатых на этом, довольно узком, пространстве: это означает, что округа были очень небольшими. Исключение составляли тарбеллы, владевшие минеральными источниками в Даксе, в то время уже вовсю действовавшими, и ауски, частично населявшие департамент Жер. Еще упомянем конвеннов, живших в области Комменж, вазатов в районе Базаса, бойев в области Бюш. Несмотря на местные особенности, эти народы всегда осознавали

общность своих интересов; они умели спланировать, чтобы защитить себя, и им много раз удавалось обращаться в бегство римских легионеров.

3. Кельтика. Наиболее многочисленные и лучше всего организованные народы населяли центральную Галлию, поскольку, без сомнения, очень давно обосновавшиеся на этой территории, они имели время для того, чтобы создать крепкие племенные сообщества. На юге Центрального массива, в Руэрге и Альбжуа, можно было встретить руменов — сильных и смелых обитателей лесов и гор. Не менее отважные кадурки, населявшие область Керси, последними держали осаду в своей крепости *Укселлодунуме* (местоположение точно не известно) против римлян, уже установивших свое господство почти над всей Галлией. Ажне было местом обитания нитиоброгов, тогда как битуриги-вивиски, ветвь битуригов в Берри, обосновались при слиянии рек Гаронны и Дордони и владели портом *Бурдигала*, который в далеком будущем станет называться Бордо. К северу обитали петрокории, люди Перигора, объединявшие четыре племени, территория которых почти совпадает с территорией департамента Дордонь; их главное поселение, *Везунна*, нынешний Перигё, был священным городом, росшим вокруг святилища. Лемовики занимали Лимузен, в то время как сантоны распространяли свое господство на богатые земли Шаранты со столицей *Медиоланумом*, сегодняшним Сентом.

Пиктоны удерживали за собой ворота Пуату, и уже развивался под названием *Лемонум* буду-

щий город Пуатье. Три народа расположились, один за другим, в нижнем течении Луары: туроны в Турени, андекавы в Анжу и, наконец, намнеты в устье реки, где находился старинный уже тогда порт *Корбило* (Нант). Армориканские общины представляли собой отдельную группу народов. На Арморике, поздно завоеванной кельтами, в значительной мере сохранялось первобытное население. Там были живы прежние традиции, в особенности религиозные. Все эти народы объединил между собой Атлантический океан, они обладали мощным морским флотом. Венеты были самым большим из этих народов; это они на протяжении веков обеспечивали торговлю оловом между Корнуоллом и западной Галлией, что позволило им достичь процветания. На севере Арморики жили осисмии в Финистере, кориозолиты в Кот-дю-Нор и редоны, которые, должно быть, дали свое имя городу Ренну. В Нормандии проживал многочисленный народ аулерки, название которого можно встретить в Бургундии и дальше, вплоть до Италии; к несчастью, они утратили свою силу, распавшись на аулерков-эбуровиков в Эр, аулерков-диаблинтов в Майене и аулерков-кеноманов в Сарте. На побережье Ла-Манша разместились меньшие по численности народы, из которых назовем венеллов на полуострове Котантен и лексовиев в районе нынешнего города Лизьё.

Мы, таким образом, очутились в долине Сены, заселенной на севере белгами. Однако паризии, владевшие территорией у слияния Уазы и Марны, относились к Кельтике; это были речники, жив-

шие в основном лодочными перевозками, и Лютецию, их главное поселение, построенное на острове, защищала река, которая была их достоянием. Выше по течению древний народ сеноны, название которого значится среди победителей в битве при Аллии, владел переправами, которые вели кратчайшим путем к Бургундским воротам и Соне. Они тоже занимались лодочными перевозками, и их столицей был речной порт *Агединкум*, нынешний Санс. Сена, как и Марна, брала свое начало в краю лингонов. Он представлял собой обширное плато, откуда воды растекались во всех направлениях. Значит, этот край был также средоточием дорог, и столица лингонов *Андематунум* (Лангр) служила крепостью. На западе от Юра простиралась обширная страна секванов, которые, судя по их имени, могли первоначально жить в долине, лежащей в верхнем течении Сены; их столица *Везонтион*, ныне Безансон, чудесным образом зажатая в излучине реки, господствовала над дорогой, ведущей в долину реки Ду. Швейцарская равнина некоторое время назад досталась гельветам. Первые завоеватели, быть может, оказались среди немногочисленных племен, замкнутых в Вале.

Нам осталось описать центральную часть Кельтики, где жили самые многочисленные народы. На пространствах между Сеной и Луарой, от Манта до Орлеана, обитали карнаты, люди решительные, готовые в битвах отстаивать свою свободу. Их страна считалась центром Галлии, и она действительно была таковой, если вспомнить, что окра-

инные области юго-востока и юго-запада были лишь наполовину заселены кельтами. Именно на земле карнутов, в густом лесу, ежегодно собирались друиды со всей Галлии, а во время войны против Цезаря карнуты много раз давали сигнал к восстанию. *Аутрикум* (Шартр) и *Кенабум* (Орлеан) были их главными крепостями. К югу от большой излучины Луары располагались битуриги, известные тем, что некогда занимали в этих краях господствующее положение. Их страна была процветающей и густонаселенной: кроме *Аварикума* (Бурж), одного из самых красивых городов Галлии, битуриги владели еще более чем двадцатью важными поселениями. Эдуи благодаря своей стойкости отвоевали себе обширные владения между Луарой и Соной. Хозяева этих двух рек, а также долины Йонны и ее притоков, они господствовали на территории, где соединяются бассейны трех больших рек. В центре их владений высился надежный бастион — горный массив Морван, яркое воплощение единства окружающих территорий. На угрюмом холме эдуи построили свою главную крепость — *Бибракте* (до наших дней не сохранилась, но дала имя холму Бёвре); на реках развивались активно действующие порты: *Кабиллонум* (Шалон-сюр-Сон) и *Матискон* (Макон) на Соне, *Декетия* (Десиз) на Луаре. К северу от государства эдуев располагался священный город *Алезия*, которому предстояло выдержать памятную осаду; город принадлежал мандубиям, маленькому народу, состоявшему в дружественных отношениях с эдуями. Обширная область Центрального

массива принадлежала арвернам. Это были крепкие люди, неукротимой силы духа, стойкие в битвах. Укрывшись в горной местности, в крепостях, таких, как *Герговия*, великолепно защищаемых естественными преградами, они могли долго сопротивляться врагу. В борьбе против Рима арверны дали, быть может, самых ловких и решительных военачальников.

4. Белгика. Северную и северо-восточную часть Галлии занимали народы, которые назывались общим именем белги. Последние из кельтских завоевателей, менее цивилизованные, они свято хранили традиции воинской доблести. В низовье Сены, в области Вексен, обитали велиокасы, а на побережье, в области Ко, — калеты. На север, на реку Сомму, пришли амбианы и основали поселение *Самаробрива*, ныне Амьен; он стоит там, где дорога, соединяющая Па-де-Кале и Буш-дю-Рон, пересекает реку и оба берега связывает старинный мост. Болотистой Фландрией владели морины и менапии. Двигаясь вглубь Галлии, можно было встретить более мелкие племена, такие, как атребаты, жившие в районе Арраса, и нервии, которым принадлежали долины рек Эско и Самбра. Славилась своей отвагой недоверчивые по характеру белловаки в Бовези; свессионы занимали богатые земли Суасоннэ, их крепость называлась *Новиодунум*. Более значительным народом были ремы в Шампани, обитавшие в междуречье Уазы и Марны. По величине занимаемой территории и ее местоположению, по численности населения и богатству

жителей ремы могли бы играть связующую роль в центре Белгии, но они не сумели подняться выше мелочного соперничества. *Дурокорторум*, ныне Реймс, был их главным поселением.

Три народа жили по берегам реки Мозель. Левки населяли долины в верховьях Мёза и Мозеля, их земли простирались вплоть до Вогезов. Медиоматрики назывались так потому, что обитали в среднем течении реки. Обширная страна тревиров раскинулась от Мёза до Рейна — на их территории эта великая река сливалась с Мозелем. Будучи великолепными наездниками, тревирсы — галлы, смешанные с германцами, — отличались своими боевыми качествами. Ниже по течению, на левом берегу Рейна, жили адватуки вместе с кимврами и тевтонами. В долинах по нижнему течению Мёза и Рейна — германцы, численностью превосходившие четыре или пять народов, упомянутых Цезарем, из которых самым большим были эбуроны. Тем не менее вожди эбуронов носили явно галльские имена, и эти народы, откуда бы они ни происходили, действовали заодно с другими белгами против захватчиков, двигавшихся с противоположной стороны Рейна, равно как и против римских завоевателей: вождь эбуронов Амбиорикс был одним из самых яростных врагов Цезаря.

5. Типы поселений. В Галлии во времена Цезаря существовало три основных типа поселений. Самыми распространенными, пожалуй, были отдельные жилища, расположенные в сельской местности, или *aedificia*; следующий тип — неболь-

История галлов

шие населенные пункты или *vici*; наконец, самыми крупными поселениями были *oppida* или *urbes*. Рассмотрим каждый из них.

Aedificia, очень часто упоминаемые в «Записках» Цезаря, — это частные жилища, отвечавшие двум целям. С одной стороны, они служили резиденциями крупных галльских собственников, которые, похоже, любили жить в сельской местности. Именно в таком *aedificium*'е, выстроенном посреди лесной поляны, вождю Амбиориксу однажды удалось укрыться от солдат Цезаря, в связи с чем проконсул отметил, что галлы очень часто живут в окружении лесов. С другой стороны, этот же самый термин используется для обозначения жилищ галльских земледельцев и хозяйственных построек — риг и стойл для скота. Когда Цезарь вознамерился разорить области менапиев и эбуронов, он приказал сжечь все *aedificia*, которые смог обнаружить. Таким же образом действовал Верцингеторикс, пожелавший заставить голодать римскую армию. В текстах явно описывается то, что мы сегодня называем фермами. Вероятно, некоторые *aedificia* играли двоякую роль: служили жилищами своим хозяевам и одновременно являлись центрами сельскохозяйственного производства. Такой тип поселения объясняется прежде всего определенным пристрастием галлов к уединенной жизни на лоне природы, а также желанием шире использовать землю. Он свидетельствует о приросте населения, вынуждающем постоянно осваивать новые земли. Наконец, он предполагает относительную надеж-

56

ность, позволяющую семье жить в уединении, не подвергаясь при этом слишком большой опасности. Таким образом, этот тип поселения, по-видимому, соответствует уже довольно развитой цивилизации.

Небольшие населенные пункты, названные *vici*, что можно приблизительно перевести как «деревни», обусловлены более древней традицией. Первоначально люди собирались вместе, чтобы быть сильнее, чтобы легче было корчевать лес и противостоять возможным попыткам разбойного нападения. Мы уверены в этом, когда речь идет о кельтах бронзового и раннего железного веков; появление в той или иной местности курганов и остатков каменных стен позволяет предположить, что где-то неподалеку находятся настоящие деревни. Давний обычай селиться вместе, хоть и был нарушен модой на отдельно стоящие фермы, не исчез совсем в I в. *Vici* были чаще всего земледельческими деревнями, так как их сжигали, наряду с фермами, всякий раз, когда хотели уничтожить ресурсы какой-либо области. Некоторые деревни занимались иной деятельностью: производственной, торговой или религиозной. Если говорить о количестве деревень, то известно, что, например, у гелльветов их было четыреста. Число довольно большое, но, принимая во внимание размеры территории, населенной гелльветами, можно предположить, что отдельно стоящих ферм у них было намного больше. В этом легко убедиться. Допустим, что в четырехстах галльских деревнях проживало 100 тыс. человек. Мы знаем,

что 260 тыс. гельветов покинули Галлию. Остается 160 тыс. человек, которых нужно распределить между оппидумами, которых было всего лишь двенадцать, и *aedificia*. Постоянное население оппидумов было немногочисленным. Если количество людей, живущих на фермах, достигало 100 тыс., то мы вправе предполагать, что деревушек было по меньшей мере две тысячи. Впрочем, соотношение *vici* и ферм менялось в зависимости от района Галлии: по-видимому, число ферм возрастало в областях спокойных, таких, например, как страна битуригов, где их имелось великое множество, и сокращалось в пограничных районах, где всегда можно было опасаться вторжения германцев.

Крупные населенные пункты назывались Цезарем то *oppida* — укрепления, то *urbes* — города; оба названия порой были взаимозаменяемыми, что мы наблюдаем в отношении такого поселения, как Алезия. Спорным является вопрос о том, имелись ли у галлов города в полном смысле слова. По правде сказать, термин «оппидум» употребляется гораздо чаще, а населенные пункты, подчас именуемые городами, на самом деле — типичные крепости. Таковы Аварикум, Герговия и Алезия. Цезарь повествует, кроме того, о двадцати городах битуригов, которые были сожжены в один день; однако в предыдущей главе «Записок» Верцингеторикс, ратуя за систематические поджоги, называет эти поселения крепостями. Таким образом, может сложиться впечатление, что у галлов были только крепости. Когда Цезарь ненароком

употребляет слово «города», это значит, что он на мгновение упускает из виду военный характер этих населенных пунктов и рассматривает их исключительно с точки зрения живущего там гражданского населения. Решить эту проблему предстоит археологии. В действительности, исследуя местоположение сколько-нибудь значительных поселений, убеждаешься, что большинство их занимает оборонительные позиции, неравноценные по важности, но явные. Стало быть, это оппидумы в полном смысле слова.

Чаще всего оппидумы располагались на вершине крутой возвышенности, связанной лишь узким проходом с цепью других возвышенностей, частью которой она являлась. Крутизна утесов и, если в них была необходимость, оборонительные сооружения, стены прерывистые или сплошные — вот что преграждало доступ в крепость. К примеру, оппидум адуатуков (Мон-Фализ в Арденнах?) был защищен грядой обрывистых скал. Попасть в крепость можно было только с одной стороны, по пологому склону шириной 200 футов; двойная, очень высокая стена, возведенная в этом месте, позволяла закрыть оппидум в случае появления противника. По этому описанию мы узнаем тип укрепления, наиболее часто встречающийся, — так называемые вертикальные балки с перекрытиями. За такой стеной адуатуки хранили все свое богатство, там же находило убежище большинство населения. Когда римляне завладели крепостью, Цезарь взял в плен пятьдесят три тысячи человек.

Еще более обширным предстает *Бибракте*, главный оппидум эдуев, занимавший всю вершину большого холма. Это одно из самых обследованных поселений, его раскопки проводились в конце XIX в. Г. Буйо, жителем города Отён, затем Ж. Дешелетом. Холм Бёвре, получивший свое название от несохранившейся цитадели, — один из самых высоких в гряде Морван, он образует мощный бастион, полностью изолированный от других возвышенностей. Оппидум, очень большой, занимал не только верхнюю террасу, постройки располагались и на склонах; непрерывная стена, повторяющая все изгибы холма, вилась прямо по склону, протянувшись, в соответствии с уровнем рельефа, более чем на пять километров. Огороженная территория со множеством источников равнялась по площади 135 гектарам. Незабываемое впечатление оставляют в наше время места раскопок и археологический музей. Такие крупные оппидумы, как Алезия и Герговия, были чуть менее грозными и обширными. Алезия смогла дать убежище армии численностью восемьдесят тысяч человек.

В равнинных областях существовал другой тип оппидумов. Крепость строилась на реке или болоте либо, еще надежнее, укрывалась на острове, между рукавами реки. Именно так расположилась Лютеция, крошечный оппидум паризиев. Аварикум, большую крепость битуригов, с трех сторон прикрывали река и болота, а единственный проход к крепости преграждали мощные стены. Пояс укреплений Аварикума, контуры которого недо-

статочно известны, должно быть, оборонял довольно значительное пространство, поскольку в конце века Цезарь установил, что там могли спрятаться сорок тысяч человек.

Различные тексты позволяют нам понять основное назначение оппидумов. По сути говоря, это были не города, но прежде всего убежища. Кто, впрочем, станет сомневаться, что высотное местоположение оппидумов диктовалось не удобствами проживания, а стремлением защитить себя от врагов? Бёвре совершенно не подходил для того, чтобы стать колыбелью города: холм высится в стороне от проезжих дорог, на него очень трудно взобраться, высота и открытость всем ветрам делают его крайне малопригодным для повседневной жизни. В силу этого ученые долгое время возражали против того, чтобы определять местонахождение Бибракте на холме Бёвре. Мыслимое ли дело — город на высоте 800 метров, на обледенелом плато, где Цезарь устроил свои зимние квартиры, — рассуждали скептики. Ошибочным было искать город там, где галлам требовалось главным образом возвести убежище. Если люди приложили огромные усилия, чтобы окружить гору крепостной стеной, то они, по-видимому, хотели чего-то иного, нежели просто обустроить постоянное место жительства для многочисленного населения.

Оппидумы первоначально служили прежде всего местом, где человек мог в случае опасности защитить себя, скот и имущество. Они являлись местом встречи противников, бастионами, кото-

рые обеспечивали могущество тому или иному народу. Такой способ самозащиты был не нов. Он возник в далекой древности. Многие оппидумы, в особенности небольшие, были укрепленными деревнями эпохи неолита, которые потом просто-напросто перестроили. Эти старые укрепления были оставлены, но население вновь поспешило занять их, когда кимвры стали наводить ужас по всей Галлии. Тогда наши предки укрылись за крепостными стенами и могли выдерживать длительные осады. Память об этой войне вызывала в людях большой страх и вынуждала строить новые крепости. Возникли большие оппидумы позднего латенского периода. Изучая погребальные обряды, Дешелет смог определить время основания Бибракте: конец II — начало I в. до н.э.

Впоследствии подобные оппидумы стало обживать оседлое население. Раскопки в Бибракте обнаружили на территории крепости хижины ремесленников. Однако не стоит упускать из виду, что кварталы местных жителей составляли лишь малую часть всей территории Бибракте. Ремесленники находили среди людей, посещавших оппидум, достаточное количество заказчиков. Дело в том, что главенствующее положение Бибракте, его притягательность в глазах эдуев придавали ему новые черты, которые с каждым днем становились все ощутимее. В оппидуме хранили собранный урожай — такой вывод можно сделать на основании того, что Цезарь, пожелавший пополнить свои запасы зерна, направился в Бибракте. Раскопки открыли место, где совершались

торговые сделки, — настоящий форум, где было найдено большое количество монет, выпущенных разными народами Галлии. Оппидум был не только хранилищем и рынком, но и центром политической жизни. В крепости заседал сенат; в 52 г. там состоялось всеобщее собрание народов Галлии. После взятия Алезии Цезарь обосновался в Бибракте, избрав его в качестве удобной базы, откуда рукой подать до вероятных противников. Холм отчасти утратил свою суровую изолированность: хорошие дороги связали его с портами Соны и Луары. Конечно, населенные кварталы были разделены большими пустынными пространствами, однако мероприятия торгового, политического и, разумеется, религиозного характера время от времени привлекали в Бибракте все большее количество людей, и оппидум принимал облик столицы.

Аварикум у битуригов, вероятно, претерпел сходную эволюцию. Галлы не стали бы умолять Верцингеторикса сохранить их город, если бы речь шла о простом кольце укреплений. За стенами Аварикума находилось множество построек, улицы, площади; там были собраны большие богатства. Кенабум, оппидум карнутов, похоже, служил прежде всего товарным складом; та же тенденция, и даже более отчетливо выраженная, просматривается в Шалон-сюр-Сен. Римские торговцы обосновались в этих двух городах тотчас же после прихода легионов. Бибракте и Аварикум, конечно, являют собой примеры исключительные. Аварикум слыл самым привлекательным городом

Галлии; не стоит думать, что другие поселения развивались так же стремительно. Как бы то ни было, у самых больших народов, лучше других организованных политически, в середине I в. до н.э. имелись поселения, развитие которых шло по урбанистическому пути.

Глава 4

ГАЛЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

1. Земледелие. В I в. до н.э. земледелие в Галлии активно развивалось.

Действительно, во время своих кампаний Цезарь, в каком бы районе он ни был, всегда находил достаточно зерна для армии. К слову сказать, римские солдаты потребляли изрядное количество пшеницы. Известно, что в начале войны с гелльетами эдуи обязались снабжать Цезаря продовольствием. Поскольку они плохо выполняли обещание, Цезарь решил идти на Бибракте, столицу эдуев, где хранились запасы зерна. На следующий год, когда ремы покорились Цезарю, они взяли на себя обязательство поставлять ему не только заложников, но и пшеницу. По причине завязавшейся войны с армориканскими общинами венеты и их союзники отказались снабжать римлян зерном. Речные порты, расположенные поблизости от зернопроизводящих областей, играли роль кладовых, где хранились запасы пшеницы, которую можно было водным путем доставлять в места расположения войск. Так было в случае с Орлеаном на Луаре, и есть основания

полагать, что с той поры в области Бос значительные площади стали отводиться под посевы пшеницы; так было в случаях с Шалоном и Маконом на Соне. Амьен на севере Галлии также являлся поставщиком зерна.

Мы упомянули далеко не все фрагменты, где речь идет о галльской пшенице. Вместе со сведениями, оставленными другими авторами, они дают нам представление об основных районах, где выращивалась эта ценная зерновая культура. Создается полное впечатление, что почти все общины имели свои пшеничные поля и могли сами обеспечить себя зерном. Урожаи пшеницы собирали вплоть до области Комменж в предгорьях Пиренеев. Ганнибал мог существенно пополнить свои запасы в долине Морьен. Даже малоплодородные земли, как в заболоченной Фландрии, давали урожаи пшеницы. Область Анжу, которую Цезарь специально упоминает в связи с отсутствием там зерна, — пример не показательный: быть может, это отсутствие было временным и случайным. Среди главных житниц того времени надо назвать район Тулузы у вольков, Конта́ и нижнее течение Роны, и в особенности Бургундию, область битуригов и карнутов. На севере и северо-востоке Суассоннэ и Шампань тоже выращивали зерно.

Галлы были не только большими любителями хлеба, они еще пили очень много пива. После пшеницы больше всего места на их полях отводилось под ячмень. Кроме пива, из ячменя и других второстепенных злаков делали хлеб низкого качества. Однако такой хлеб пекли в исключительных

случаях. Вообще-то белый пшеничный хлеб был любимой едой галлов и предметом вождения для других народов. Виноградарство, напротив, во времена римского завоевания еще не распространилось в Галлии, виноград возделывали главным образом в окрестностях Массилии. Вино было напитком редким и считалось роскошью. Одного раба можно было выменять на меру вина. Предубеждение долгое время препятствовало распространению этого напитка. Вино относили к продуктам изысканным, потребление которого ведет к размягчению характера и утрате мужества. В I в. до н.э. некоторые народы белгов, например нервии, даже запрещали ввоз вина на свою территорию. На другом берегу Рейна германцы рассуждали и поступали таким же образом.

Что до сельскохозяйственных орудий и способов обработки земли, то тут галлы проявили изобретательность, достойную всяческих похвал. Они рано отказались вспахивать землю сохой, этим наследством далеких веков, представляющей собой просто-напросто изогнутое дерево. Плиний приписывает кельтам идею прикрепления к дышлу двух колес. Галльский плуг, получивший таким образом устойчивость, был снабжен мощным железным лемехом с загнутыми краями, по форме напоминающим остроконечную лопату. Для жатвы в крупных хозяйствах Галлии стали применять орудия более производительные, чем серп эпохи бронзы. Галльская коса, примечательная своими большими размерами и тем, что ее надо было держать двумя руками, довольно мало отличается

от нашей современной косы. Более того, Плиний и некий римский агроном оставили нам краткое описание жнейки, использовавшейся на равнинных землях. Жнейка имела вид двухколесной тележки, которую толкал вперед бык. Передняя часть тележки, открытая и расположенная низко над землей, была снабжена зубьями, которые подрезали стебли; колосья падали в кузов. Сенсационная находка, сделанная в 1958 г. в Бюзноле (Бельгия), познакомила нас с галло-римским изображением этого интересного приспособления, в котором археологи узнали галльскую жнейку, описанную в древних текстах. Находка позволила объяснить сложный рельеф местности от Порт-де-Марс до Реймса, а также остававшийся неясным рельеф в окрестностях Арлона. Мы имеем, таким образом, три дополняющих друг друга наглядных изображения одного орудия, применявшегося в областях тревиров и ремов во II в. н.э., но являвшегося, безусловно, галльским изобретением. Каким бы несовершенным ни было это орудие, один только факт его создания и применения свидетельствует о желании облегчить и ускорить труд, а это напрямую объясняется количеством засеянной пашни и величиной земельных владений. Галлы старались также удобрять почву. Римские агрономы отметили разумное использование мергеля у белгов и извести — у эдуев и пиктонов.

Наряду с пахотными землями пастбища были вторым основным ресурсом Галлии. В этом можно убедиться, читая многочисленные фрагменты

«Записок», где Цезарь повествует о том, как войска отправлялись за фуражом. Римской армии в походе нужно было лишь брать корм в деревенских сараях или на лугах. Когда Верцингеторикс захотел лишить римлян сена, он просто приказал сжечь фермы. Галлы активно занимались скотоводством. Предметом гордости любого народа было наличие у него многочисленной конницы. В этом отношении больше других преуспели тревирсы, эдуи и арверны. Эдуи должны были все время поставлять верховых лошадей Цезарю. Разводили галлы также тягловых лошадей. Чтобы в этом убедиться, достаточно представить себе бесчисленные повозки и тележки, о которых мы расскажем позднее, колесившие по дорогам. Мы менее осведомлены о поголовье крупного рогатого скота. Древние авторы ограничиваются тем, что сообщают о большом количестве разнообразных домашних животных. Цезарь отмечает их наличие во многих областях Галлии, не уточняя, однако, о каких именно идет речь. Достоверно известно, что много было свиней и овец. Первые содержались стадами, в условиях весьма вольных, мясо их ценилось. Шерсть, которую давали вторые, славилась в Галлии и за ее пределами. Овец разводили главным образом в Альпах и Арденнах, и Плиний сообщает, что из Прованса их перегоняли в Альпы на летние пастбища. Из домашней птицы следует отметить гусей, их в большом количестве выращивали морины на севере Галлии. Гуси храма Юноны на Капитолии были галльскими.

2. Земельная собственность. Хозяйствование, повсеместное и разнообразное, уже давно сформировало представление о ценности земли — источнике всякого богатства. Тому, кто владел землей, нужда наверняка не грозила, он мог, рассчитывая на благосклонность богов, думать о достатке. Галлы это поняли и перешли от коллективной собственности на землю к частной. Хотя и невозможно назвать точную дату такого перехода, совершенно ясно, что произошло это задолго до прихода Цезаря.

Вопрос, поставленный в 1891 г. д'Арбуа де Жюбенвилем, сегодня уже не возникает. Ученый утверждал, что галлы во времена независимости не знали частной собственности на землю. Землей, остававшейся неделимой, владело, по-видимому, племя или сообщество племен, как это было у германцев. Эта теория, основывавшаяся на некоторых внешних факторах и в особенности на том, что Цезарь обошел этот вопрос молчанием, была опровергнута многими учеными. Цезарь ничего не пишет о режиме собственности у галлов потому, что тут галлы ничем не отличались от римлян. Впрочем, молчание проконсула не было полным, как можно было бы подумать; напротив, есть основания утверждать, что подспудно речь у Цезаря шла о частной собственности. Описав обычаи галлов, Цезарь переходит к германцам и прежде всего говорит о том, что жизненные устои германцев отличаются от таковых у галлов. Обозначив главное, он тотчас же отмечает, что германцы не очень-то расположены заниматься земледелием.

«Никто у них не имеет ни определенного участка земли, ни средств, принадлежащих им на правах собственности». Контекст дает нам понять, чем в корне отличались германцы от галлов: у последних земля не была исключительной собственностью государства. Отдельные лица и семьи, представленные главами семей, владели большей частью земли, и земельная собственность являлась основой богатства.

В I в. эта собственность, вероятно, не была очень раздроблена. Все говорит о том, что территория Галлии была разделена на крупные владения, принадлежавшие знати. Именно владение землей позволяло знати держать простой народ в положении полурабов. Галльская ферма, расположенная на опушке леса, неподалеку от реки, посреди пахотных земель и пастбищ, очень напоминает виллу римлянина. Создается впечатление, что перечитываешь известные описания идеальной виллы, сделанные Катонем и Колумеллой. Этим объясняется та легкость, с какой распространился, после завоевания, римский тип хозяйства: Галлия I в. уже воплотила его основные черты.

3. Охота и рыболовство. Разработка полезных ископаемых. Ресурсы, создаваемые неустанным трудом людей, дополнялись естественными продуктами, созданными самой природой, которыми галлы тоже не пренебрегали. Рыболовство и в особенности охота продолжали занимать их досуг. Добыча крупной лесной дичи, кабанов, медведей, оленей оставалась занятием захватыва-

ющим. В Арденнах к тому же водились зубры и олени, а охота на повсеместно распространенного зайца порой превращалась в отчаянное предприятие, о чем нам в деталях поведал грек Арриан.

Галлы постоянно разведывали подземные богатства, в особенности металлические руды. Золото добывалось путем промывки речного песка, тогда как серебро, рассредоточенное по небольшим месторождениям, приходилось выплавлять из руды. Кроме того, цветные металлы, такие, как медь и ртуть, ввозились из Испании. Галлы добывали много железа. Этим занимались повсеместно и с давних времен. Именно железный меч принес могущество кельтам, и именно они первыми стали систематически добывать из недр земли этот замечательный металл. Рудники Лотарингии начали эксплуатироваться в очень отдаленную эпоху. Рудники Берри, Осеруа, Шатийоннэ, Перигора тоже были известны с давних времен. Огюст Добре, изучавший эксплуатацию железных рудников в Галлии, обнаружил следы разработок в Бургундии, Нивернэ, Бретани, Нормандии и в Пиренеях. Иногда руду добывали открытым способом, а иногда, как, например, в Берри, чтобы добраться до руды, рыли штольни. Цезарь неоднократно рассказывает о том, что галлы доставляли ему огорчения своим умением делать подкопы — умением, приобретенным во время работы на рудниках. В частности, он упоминает народы Аквитании и битуригов. При осаде Аварикума римляне с большим трудом создавали площадку для подхода к крепости, однако галлы,

отлично владевшие техникой рытья подземных ходов, сделали подкоп и обрушили ее.

4. Производство. Интенсивная добыча полезных ископаемых, несомненно, влекла за собой развитие производства. Руду надо было вначале обработать, чтобы затем получить из нее металл. Восстановительный процесс, по каталонской технологии, происходил в печах с трубчатой выемкой, обложенной огнеупорной глиной. Руда укладывалась горизонтальными слоями, чередуясь со слоями топлива. Отверстие в основании печи обеспечивало тягу во время горения и позволяло по завершении процесса извлечь из печи получившийся железный слиток. Пробные плавки, осуществленные с помощью одной из таких печей, дали металл поразительной чистоты. Последующая горячаяковка позволяла придать металлу нужную форму.

Железо служило материалом для изготовления множества предметов домашнего обихода, оружия, орудий труда и сельского хозяйства. В некоторых погребениях в Берри и Оверни, а также при раскопках в Верто, Ализ-Сент-Рен, Малене были обнаружены самые разнообразные предметы: столярные скобели, кузнечные клещи, кольца и ключи, серпы разной величины, пилы, напильники, циркули, долота, в особенности много шильев и пробойников. Раскопки на холме Бёвре открыли большое количество кузнечных мастерских: кузнецы занимали целый квартал опидума, ложбину, названную Ла-Ком-Шодрон,

как если бы они составляли настоящий ремесленный цех.

В то время уже зарождались и другие производства, перспективные, которым суждено было процветать во времена империи, — это производства продуктов питания и одежды. Практический ум галлов, уже проявившийся, заставил их перенять способы помола зерна, существовавшие у средиземноморских народов. В раннем железном веке еще использовались примитивные приспособления. Напротив, в латенскую эпоху и особенно в конце ее широко применялся тип ручной мельницы, очень близкой к римской. Производство консервированных продуктов, так прославившееся в эпоху империи, существовало и до завоевания. Разумеется, оно было менее развитым, но, возможно, способы производства уже были разработаны. В частности, с давних пор, наверное, галлы засаливали свинину, поскольку, как свидетельствует множество текстов, поголовье свиней было исключительно большим.

Одежда галлов была в высшей степени своеобразной и практичной. Представление о ней дают описания античных авторов и особенно надгробные барельефы римской эпохи. Брака — это широкие штаны до щиколоток, обеспечивавшие свободу движения. Сагум — плащ с застежкой на груди, часто с капюшоном, который по желанию можно было поднять или опустить. Эту одежду шили из прочно сотканной овечьей шерсти. Жители области Сентонж, страны лингонов и области Артуа славились изготовлением этих вещей. Мы имеем

ценное тому свидетельство, относящееся к доримской эпохе. Полибий рассказывает, что Ганнибал, переходя через Альпы, запасся у аллоброгов теплыми тканями и крепкой кожаной обувью. Галлы умели дубить кожу и широко использовали этот материал. Они не только изготавливали ножны для мечей и детали доспехов, но и обтягивали кожей щиты и даже обивали стены городов и защищавшие их деревянные башни. Венеты делали из кожи паруса кораблей.

Что касается жилищ, то тут наши предки очень отставали от средиземноморских народов. От галльских домов почти ничего не осталось, и сведения о них доносит до нас главным образом литературная традиция. Из описаний времен античности складывается унылая картина. В конструкции галльских домов почти повсеместно отсутствует камень. Использовалось только дерево в виде опорных балок и обшивочного материала. Крыша, как правило, делалась из соломы. Применение досок вместо самана и веток, похоже, было невиданной роскошью. Археологические находки подтверждают эти наблюдения. Жилища, обнаруженные в Лотарингии, Алезии и Бибракте, в отношении которых достоверно установлено, что они принадлежат к доримской эпохе, скорее можно назвать норами, чем домами. В области медиоматриков, в лесах, было обнаружено много круглых ям, наполненных водой, напоминающих остатки колодцев. Методичные исследования показали, что эти ямы, диаметром чаще всего десять метров и глубиной не менее двух метров, не что иное, как

основания примитивных хижин. Это были шалаши, частично углубленные в землю. Пол был покрыт слоем глины, тогда как вода собиралась в канавку. Ближе к середине можно было увидеть закопченные камни — остатки очага. Крепкие стволы деревьев, точно лучи, сходящиеся от края ямы к центру, играли роль стропил: они поддерживали крышу, сделанную из листвы вперемешку с глиной. Шалаши были круглой или овальной формы. Найденные в ходе раскопок предметы свидетельствуют о том, что такие шалаши строились уже в гальштатскую эпоху и продолжали строиться в среднем железном веке. В некоторых шалашах люди жили даже в галло-римские времена. В Алезии, в различных частях оппидума были обнаружены основания хижин, круглые или прямоугольные, врытые в землю. Несколько хижин были построены из камня, методом сухой кладки. Крыша была сделана из плетеных прутьев и веток, обмазанных глиной.

Не столь примитивными оказались жилища на холме Бёвре. Они тоже были частично углублены в землю, однако четырехугольное пространство нередко было огорожено стенами сухой кладки: камни скреплялись глиной без малейшего добавления извести. Углы стен и стойки проемов делались из обтесанного гранита. Внутри хижины вели каменные ступеньки. Пол был покрыт глиной, жилище обычно состояло из одного помещения. Такими были жилища литейщиков и кузнецов — тесные задымленные лачуги. «Металлурги, — пишет Бюйо, — мастерство которых порой заслуживало

восхвалений, жили под землей, в условиях менее здоровых, чем те, в которых теперь у нас живет скотина». Несомненно, более просторными были фермы в сельской местности и в особенности дома знати. Необходимость разместить в доме многочисленную прислугу, не говоря уже о животных, запасах зерна и фуража, заставляла сооружать целый комплекс построек. Цезарь не стал бы называть словом *aedificium* простую лачугу. Вот только материалом для этих домов служили все те же дерево — в виде бревен, досок, плетеных прутьев и веток — и глина. Поэтому Цезарю и Верцингеториксу было так просто уничтожить их огнем.

Галлы любили строить из дерева, и эта их склонность привела к тому, что они сделались великолепными плотниками и тележниками. Мы имеем немало доказательств их умения. Существование многочисленного и активно действующего речного флота подтверждается древними текстами. Военные операции Цезаря косвенно свидетельствуют о наличии лодочных флотилий на Роне ниже Женева, на Соне в районе Макона. Именно с помощью этих лодок, захваченных на месте, гельветы попытались переплыть названные реки. Сону ниже Мелёна бороздило множество судов. Лабиен по прибытии в Мелён тотчас же завладел пятьюдесятью. Неоднократно упоминаются лодки на Луаре и Рейне. Что касается низовьев Роны, то переправа армии Ганнибала стала возможной благодаря многочисленным лодкам прибрежных жителей. Все это заставляет думать, что во времена римского завоевания строи-

тельство речных флотилий опиралось на уже давнюю традицию.

К сожалению, мы не знаем характеристик этих судов. Иное дело суда, на которых венеты выходили в открытое море, — античные авторы, и в первую очередь Цезарь, довольно подробно о них писали. Издавна привыкшие к морской жизни, к коварству океана, жители области Морбиан благодаря долгим наблюдениям и богатому опыту сумели создать оригинальный тип корабля исключительной прочности. Суда строились с почти плоским дном, что позволяло им во время отливов садиться на мель без риска перевернуться. Нос, корма и обшивка корабля были сильно приподняты, чтобы противостоять натиску волн. Поперечные балки, соединяющие оба борта для придания им большей прочности, были скреплены железными гвоздями толщиной в большой палец. Массивные железные цепи, а не канаты держали тяжелые якоря. Дуб и железо — единственные материалы, из которых строились эти мощные суда. Движение таких кораблей из-за их гигантской массы с трудом могло быть обеспечено работой весел. Венеты предпочитали использовать силу ветра; паруса оригинальной конструкции они делали из сырых или обработанных кож, сшитых мелкими стежками. Полотняные паруса, как считали венеты, разрывались бы под напором ветров в открытом море. Тяжелые суда венетов не могли соперничать в скорости с легкими средиземноморскими, приводимыми в движение множеством человечес-

ких рук. Не отличались они, разумеется, и изяществом форм; напротив, они были приспособлены к условиям тех морей, где им предназначалось ходить, и именно благодаря своим судам веныты играли важную роль в отношениях между Галлией и островной Британией.

Говоря об идеях более скромных по значимости, стоит вспомнить, что бочарное ремесло — это изобретение если не галлов, то по крайней мере цизальпинских кельтов. Как бы то ни было, галльские бочки впервые появляются в истории по случаю осады Укселлодунума, в области Керси, в 51 г. до н.э. Осажденные, желая спалить оборонительные сооружения римлян, пускали в их сторону деревянные емкости, содержавшие воспламененный горючий материал; Цезарь называет эти емкости *сирае*, и, по всей видимости, это были пивные бочки с вышибленным, применительно к обстоятельствам, дном. В то время как латины для хранения напитков использовали только амфоры из обожженной глины, галлы придумали пользоваться бочками, сделанными из тонких дощечек, на которые набивались обручи. Специалисты единодушно признают, что это была удачная мысль. Гораздо менее хрупкие и очень удобные в обращении, деревянные бочки облегчили хранение и позволили улучшить качество вина. Дерево, пропускающее воздух, дает возможность осуществляться процессу старения вина, и оно приобретает полноценный вкусовой букет. Таким образом, галлам принадлежит заслуга в том, что они нашли самый подходящий материал для емкостей

и придумали самую практичную их форму. Реконструированные изображения сосудов галло-римского периода показывают нам бочки, действительно очень похожие на нынешние. В стране, которой было уготовано столь большое винодельческое будущее, невозможно переоценить значение этого открытия.

Умение обтесывать дерево и скреплять деревянные детали железом галлы еще раз продемонстрировали во время осады Аварикума. По мере того как римляне возводили свои укрепления, галлы, не отставая от римлян, строили свои, той же высоты, и защищали их от огня обшивкой из кожи. Цезарь восхищался способностью своих врагов воспроизводить в точности то, что они видят у других, но дело не только в этом. Галлы с давних времен постигли все секреты плотницкого и тележного ремесел, и именно это позволило им с такой легкостью воспроизводить вслед за римлянами их постройки. Самое древнее, но не менее поразительное доказательство того, что галлы умели обращаться с деревом, — несомненно, четырехколесная повозка, найденная в захоронении в Виксе. Все детали повозки, включает Жоффруа, свидетельствуют об удивительном мастерстве кельтских ремесленников, и не стоит забывать, что столь высокого уровня они достигли уже в конце VI в. до н.э.!

Такие способности в освоении ремесла объясняют широкое использование галлами всевозможных телег и повозок в различных целях еще в далекой древности. Грузовые и легкие

транспортные, с двумя или четырьмя деревянными или железными колесами, боевые колесницы — галлы создали и использовали все эти разновидности. Известно, что многие слова, обозначающие разного рода средства передвижения, были заимствованы латинами у галлов: тяжелый *carrus* (телега, подвода), необходимый при больших переселениях людей, быстрая *reda* (четырехколесная повозка), быть может, *carpentum* (двухколесная повозка) и *essedum* (боевая двухколесная колесница) считаются словами галльского происхождения. За множеством наименований легко угадывается необычайное разнообразие транспортных средств, бытовавших в I в. до н.э.

5. Торговля. Обилие средств передвижения наводит на мысль о значении дорог и торгового обмена. В этой области галлы пока еще пользовались плодами усилий, которые неустанно прилагали предшествующие народы. Мы уже объяснили, как необходимость распространять наиболее ценные материалы из мест их производства побуждала людей искать удобные пути. Торговля оловом, которая, впрочем, продолжалась и в железном веке, более всего отразилась на развитии сети дорог. Редкость месторождений и их расположение определили направления торговых путей. Ввозимая руда поступала главным образом с Гвадалквивира (город Тартесс) и с западной оконечности Британии, с Корнуолла. Оттуда металл доставляли на побережье Ла-Манша вплоть до ус-

В раннем железном веке обмен уже не ограничивался сырьем. Из Центральной Европы по Дунаю через проход между Вогезами и Юра и по долине реки Ду проникали образцы железных мечей. В это же время в Галлию ввозили предметы из Италии: цилиндрические ведра — цисты и усеченно-конические — ситуты, те и другие из ковanej бронзы. Иногда в самых поздних курганных захоронениях восточной Галлии вместе с цистами и ситутами обнаруживаются этрусские и греческие вазы. Эти вещи привозили тем же путем, по Дунаю, или через швейцарские перевалы. После открытия Викса ученые долго спорили по поводу того, каким путем мог быть привезен гигантский кратер. Кроме указанных выше маршрутов, рассматривался перевал Гран-Сен-Бернар и в особенности долина Роны, однако приведенные аргументы не сочли решающими. Ученые еще не располагали рядом других, столь же своеобразных находок, которые позволили бы со всей очевидностью определить великий торговый путь в данную эпоху. Ронский коридор в ту пору оставался в стороне от большого торгового потока. Это объясняется тем, что Средиземноморское побережье, кроме Массилии, и низовье Роны еще находились во власти лигуров, мало расположенных к общению с внешним миром. Эти отсталые племена являлись своего рода заслоном между очагом средиземноморской цивилизации и Кельтикой, южные границы которой лежали

чуть ниже слияния рек близ Лиона. Вместе с тем Викс удачно располагался в том месте, где прото-исторический путь от нижней и средней Луары до Бельфорского прохода пересекал маршрут по долине Сены.

Галлы должны были спуститься к побережью Прованса, чтобы между Массилией и Кельтикой могли, наконец, установиться прямые отношения. С той поры началась эпоха расцвета для самого живописного пути, который природа начертала на земле Галлии, — Видаль де Лаблаш назвал этот путь торговой осью Франции. Он пролегал по Ронскому коридору до излучины Соны в районе Шалона, через Бургундские ворота вел в бассейн Сены и к парижскому перекрестку, откуда можно было двинуться по реке к ее устью или же добраться до Па-де-Кале. В III в. начался стремительный рост речного порта Шалон-сюр-Сон, с этого времени путь стал весьма оживленным. Он обеспечивал торговлю оловом. Диодор, основываясь на повествовании другого, более древнего автора, доносит до нас подробности того, как использовался этот путь. Торговцы приобретали металл у жителей Британии, доставляли его на континент, а затем по суше, через Галлию, в течение примерно тридцати дней везли его до устья Роны. Другой греческий географ, Страбон, упоминает речной, по большей части, путь сообщения, используемый для перевозки различных товаров. Вначале суда шли вверх по течению Роны и Соны, затем, оставив Сону — это можно было сделать только в Шалоне, — по суше добирались до Сены

и уже по ней спускались к океану, где обитали лексовии и калеты (области Лизьё и Ко). По Ронскому коридору также доставлялись в центральную и восточную Галлию бесчисленные амфоры для хранения вина — их в большом количестве находят в крупных оппидумах конца эпохи независимости. Едва обосновавшись в Нарбонской провинции, римляне коварно запретили выращивать виноград, тем самым обеспечив себе надежную монополию на ввоз вина.

Эти документальные свидетельства позволяют составить представление о том, насколько усовершенствовалась организация перевозок. Чтобы за тридцать дней преодолеть расстояние в 900 километров, разделяющее Па-де-Кале и Буш-дю-Рон, необходимо двигаться со средней скоростью 30 километров в день. Для поддержания такой скорости в течение месяца нужны четко проложенные дороги и остановочные пункты. Когда маршруты были намечены, настало время подумать и об обустройстве дорог. Причин для такого преобразования было множество. Первая заключалась в постоянном росте товарооборота. Надо принимать во внимание и политический интерес, побуждавший народы, в особенности те, по территориям которых пролегали естественные пути сообщения, предоставлять торговцам хорошие дороги. Наконец, все более широкое применение транспортных средств вместо перевозки грузов на спинах животных влекло за собой новые требования. Слишком рыхлые почвы, на которых от повозок образовывались рытвины и ухабы, надо было

уплотнить; чтобы встречные повозки могли разъехаться, дороги должны были быть достаточно широкими; надо было сгладить слишком крутые склоны, построить мосты через реки. Эти разнообразные усовершенствования знаменуют собой превращение троп в дороги.

Такова была дорожная сеть Галлии в конце эпохи независимости. В предшествующие века дороги возникали спонтанно: люди и животные протапывали их, постепенно уплотняя почву. Настало время вмешаться человеческим рукам, чтобы ускорить и расширить этот процесс, протекавший слишком медленно и дававший слишком несовершенные результаты, не отвечавшие потребностям дорожного движения. Учитывая то, что, по всей видимости, работа эта была закончена с приходом римлян, следует признать, что обустройство дорог — дело рук последних свободных галлов. Несомненно, римляне улучшили сами дороги, усовершенствовали дорожную сеть, навели новые мосты, и все же не так много новых дорог обязано своим возникновением исключительно римлянам. Придя в Галлию, завоеватели нашли там уже достаточно развитую дорожную сеть. Есть множество тому подтверждений. Быстрое продвижение римских войск, покрывавших за день большие расстояния, было бы невозможным, двигайся они по обыкновенным тропам. Из записок Цезаря точно известно, что дороги связывали все крупные города Галлии. Идет речь там и о мостах через наиболее широкие водные потоки, такие, например, как

Луара близ Орлеана. Топонимия определяет Амьен как населенный пункт, который приобрел свое первоначальное название *Самаробрива*, равно как и смысл своего существования, в связи с мостом, перекинутым через Сомму в том месте, где дорога, соединяющая Па-де-Кале и нижнюю Рону, пересекала реку. Нетрудно, таким образом, убедиться, что на больших римских дорогах, словно вехи, стояли поселения с доримскими названиями, указывающими на древнее происхождение этих дорог.

Галлы пользовались не только сухопутными дорогами. Мы уже приводили тексты, где говорится о существовавших издавна лодочных перевозках на Роне и Соне, Луаре и Сене. Этим объясняется процветание речных портов: Макона и Шалона на Соне, Роана и Орлеана на Луаре, Мелёна и Лютеции на Сене, — и это лишь малая часть портов. Возможность свободного пользования реками была ставкой в вековой борьбе прибрежных народов друг с другом. Эдуи и секваны долго соперничали из-за господства на Соне и связанного с этим выгодного права взимать транзитные пошлины.

Итак, в Галлии последнего века независимости появляются все признаки существования активной торговли. Дороги, повозки, лодки — все это предполагает наличие широкого товарообмена, внутреннего и внешнего. Завоевание римлянами юго-восточной Галлии лишь ускорило развитие торговли со средиземноморскими странами. Оно было отмечено приходом итальянских купцов, пред-

приимчивых и жадных до наживы. Более тесными, несмотря на вполне естественное недовольство белгов, становились отношения северной Галлии с островом Британией. Прорезанная дорогами, широко открытая внешнему влиянию, Галлия была готова стремительно развиваться, когда перестала быть свободной страной.

Глава 5

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Наряду с тем, что галлы преуспели в использовании дерева, они остались посредственными каменоломами и каменотесами. Такое пренебрежение к камню или же неспособность его обрабатывать — один из их существенных недостатков. Этим объясняется тот факт, что галлы не построили ничего долговечного. Их дома так и остались жалкими лачугами, в их городах не было ни одного памятника, который, наподобие памятников в античных городах Средиземноморья, заставил бы восхищаться последующие поколения. Основные искусства — архитектура и скульптура — долгое время оставались им неведомы.

1. Архитектура и скульптура. Исключение, однако, составляет военная архитектура. Галлы возводили вокруг своих крепостей мощные стены, остатки которых кое-где еще сохранились. Привычка укрываться за каменными стенами существовала, надо думать, задолго до прихода кельтов. Людям эпохи неолита первым пришла мысль самим строить для себя защиту. Речь идет не только

о стенах сухой кладки — раскопки выявляют иногда наличие известкового остова внутри стены. Этот остов, придающий укреплению большую прочность, изготавливался путем обжига дерева, предварительно помещенного в известковую массу. Галлы тоже соединяли дерево с камнем, но по-другому. Способ возведения стен в последнем веке независимости известен из знаменитых «Записок» и неоднократно подтверждался результатами археологических исследований. Он состоял в том, что с помощью продольных и поперечных балок, скрепленных на перекрестьях мощными железными стержнями, сооружался каркас. Образовавшиеся пустоты заполнялись землей и щебнем. С внешней стороны стену выкладывали огромными камнями, располагая их слоями в промежутках между балками. При таком хитром способе постройки камень предохранял дерево от огня, а скрещенные балки, пронизывающие всю толщу стены, образовывали прочный массив, который не мог пробить таран.

Стена такой в точности конструкции была обнаружена в Мюрсене (департамент Ло) в 1868 г. Похожая стена, найденная Бюйо на холме Бёвре примерно в то же время, имела пять километров в окружности. Бюйо отметил, что балки предварительно подвергли обжигу с целью предохранить их от гниения. Судя по тому, как долго стояла такая постройка, это было превосходное оборонительное сооружение, по достоинству оцененное Цезарем. Такую крепость, как Аварикум, он смог взять только приступом. Ко всему прочему внеш-

ний вид стен имел одну особенность: видневшиеся концы поперечных балок нарушали однообразие каменной кладки, а поскольку они находились на одинаковом расстоянии друг от друга, стена выглядела как плоскость, разделенная на равные квадраты, и производила приятное впечатление. В Мюрсене, например, концы балок располагались в шахматном порядке. Иногда балки выступали из стены, и их округленные концы должны были служить помехой тарану. Стены, построенные таким образом, по замыслу и его осуществлению являлись результатом хорошо продуманных усилий и представляли собой заметный шаг вперед по сравнению с тем, что прежде создавалось в Галлии. Возможно даже, что уже после римского завоевания кое-где, например в Верто (Кот-д'Ор), строили и реконструировали крепостные стены тем же местным способом.

Скульптурные произведения эпохи независимости чрезвычайно редки. Галльское искусство долгое время задерживалось в своем развитии вследствие предрассудка, запрещавшего изображать животных и человека. Это обстоятельство вкупе с присущей нашим предкам неспособностью к камнерезному ремеслу объясняет почти полное отсутствие местного пластического искусства. Если и существовала деревянная скульптура, что вполне вероятно, то она не сохранилась до наших дней; по крайней мере, отнесение вотивных статуэток (см. следующую главу) к временам независимости весьма сомнительно. Имеющиеся у нас редкие памятники из камня доримской эпохи все

были созданы на средиземноморском юге Галлии. Понадобился контакт с греко-римским миром, чтобы в Галлии зародилась скульптура.

Уже давно известны статуи из Рош-Пертюз (Буш-дю-Рон), изображающие людей, сидящих со скрещенными ногами, в так называемой буддийской позе. Детали одежды, украшенной свастикой и геометрическим орнаментом, позволяют предполагать, что это изображения божеств или жрецов. Статуя, найденная в Грезане, близ Нима, — это воин в доспехах, с торквесом* на шее.

Из Буш-дю-Рон происходят и знаменитые камни Антремона. Это три каменных блока кубической формы, которые ставились один на другой; из них мог быть сложен мемориальный столб в честь какого-нибудь местного воина. По крайней мере такое впечатление создается при изучении декоративных рельефов: на передней поверхности — всадники, вооруженные копьями и мечами, на боковых — отрезанные головы с искаженными лицами. Вероятно, это головы побежденных врагов; согласно галльскому обычаю, врагов предавали смерти, а трупы обезглавливали. По типу мечей у всадников памятник датируют II в.

- до н.э. Вот уже лет двадцать в ходе случайных, плохо организованных раскопок в древних оппидумах Прованса мало-помалу открываются многочисленные скульптуры, относящиеся к первобытному кельтскому искусству: статуи воинов

* Шейная гривна, украшение в виде разомкнутого обруча, являлась знаком достоинства ее носителя.

и героев, которые были собраны в святилище саллиев, разрушенном римлянами; большие головы с возложенной на них рукой; столбы с изображениями животных (лошадей, птиц); облицовочные плиты с фигурами оленей и собак; наконец, диковинные столбы со специальными нишами для хранения в них черепов поверженных врагов. Это искусство выражает культ героев, воспекает победы над врагами племени, наконец, оно воплощает надежду на потустороннюю жизнь.

2. Декоративно-прикладное искусство. Если в остальной Галлии безрезультатно было бы искать каменную скульптуру, то декоративно-прикладное искусство с давних пор демонстрировало несомненные достижения. С появлением железа обработка бронзы отнюдь не пришла в упадок, а напротив, продолжала совершенствоваться. В Бибракте ремесленников-бронзовщиков было, пожалуй, столько же, сколько простых кузнецов. Галлы любили этот металл: изделия из него имели красивую полированную поверхность и легко поддавались декорированию. Из бронзы делали главным образом мелкие украшения и предметы туалета — бусы, браслеты, фибулы, зеркала, — а также части конской сбруи и амулеты. Надо сказать, галльские ремесленники достигли тут подлинного мастерства. Некоторые вещи являются собой настоящие маленькие шедевры, поражающие как изысканностью декора, так и тонкостью исполнения. Чтобы добавить привлекательности изделиям из бронзы, галлы покрывали их

оловом или серебром, используя при этом ртуть. Битуриги, по-видимому, согласно Плинию, придумали лужение; в Алезии, говорят, практиковалось серебрение. Со 121 г. король арвернов Битуит имел колесницу, целиком покрытую посеребренным металлом; эта колесница вызвала изумление у римлян, когда царь варваров появился на ней во время триумфа консула Фабия Максима, своего победителя.

Изделия, выполненные целиком из драгоценного металла, были еще более изысканными. Из золота делали великолепные бусы, браслеты, кольца. В районе среднего Рейна были найдены бусы и браслеты, датируемые IV в., эти вещи отличаются высокий уровень исполнения и безупречный вкус; то же можно сказать и о кладе из Блано в Кот-д'Ор (1983). Золотых дел мастера вдохновлялись эллинскими образцами, однако стилизация человеческих масок и фигур животных выдает местную технику. Другой центр находок из золота, в бассейне верхней Гаронны, дал витые колье, украшенные разноцветными узелками, мастерство исполнения которых поистине изумляет. Некрополи в Шампани дали несколько золотых браслетов, они находились на запястьях у воинов, которых по богатству погребального инвентаря можно причислить к вождям. Напомним, что захоронение в Виксе открыло целый набор разнообразных изделий из металла (оковка колесниц, украшения), являвшихся произведениями местных мастеров.

Следует обратить внимание на серию металлических масок, посредством которых кельтские ре-

месленники пытались передать человеческое лицо: эти маски, сделанные резцом или чеканом, изображающие богов или людей, происходят из пиренейской области или Парижского бассейна. Их насчитывается с полдюжины, сделаны они из бронзы, серебра или железа, самая древняя относится, судя по всему, ко II в. до н.э., тогда как наиболее поздние, частично сделанные из литого металла, вероятно, принадлежат римской эпохе, однако сохраняют в себе предшествующую традицию.

Среди галльских ремесленников особо следует сказать об эмальерах, изделия которых были найдены при раскопках в Бибракте. Эмаль в декорировании играла роль, которая прежде принадлежала кораллу. Известная с III в. до н.э., красная эмаль была единственным материалом, применявшимся для отделки в эпоху независимости. Дело в том, что свойство предохранять, которым наделяли коралл, могло быть перенесено на эмаль только в том случае, если изделие из искусственного материала получалось такого же цвета, как и из натурального. Поначалу эмаль просто вставляли в углубления, сделанные на декорируемой поверхности; затем, как писал грек Филострат, «научились сыпать краску на металл и закреплять ее с помощью камня». Фибулы, браслеты, бусы получали прочную окраску. Раскрашивали шляпки бронзовых гвоздей, которыми затем могли украсить умбон* щита, верхушку шлема. Предстоит

* Выступающая часть в центре, которая защищала руку, держащую щит.

■ выяснить, является ли этот способ эмалировки галльским изобретением; как бы то ни было, средиземноморские страны еще не дали миру прототипов галльских эмалей. Несомненно то, что эмальерное искусство было делом особым, приносившим славу мастерским, расположенным в некоторых крупных центрах производства, самым известным из которых была столица эдуев.

В гончарном искусстве галлов не наблюдается столь яркого своеобразия. Изделия их горшечников долгое время оставались некрасивыми. На протяжении веков они либо совсем не применяли гончарный круг, либо применяли очень мало. Лишь в третьем латенском периоде и в конце II в. эта простейшая техника получила распространение. Надо сказать, что обожженная глина была вовсе не единственным материалом для изготовления посуды. Посидоний сообщает, что галлы широко пользовались деревянными блюдами и корзинами из ивовых прутьев. Первые попытки более тщательно отделывать глиняную посуду предпринимаются на Марне в IV в. Вместо простых насечек зубилом изделие украшается при помощи краски и кисточки. Геометрический рисунок представляет собой изогнутые линии в сочетании с многочисленными спиралями. Примерно в это же время в Арморике появляются красивые вазы с выгравированным криволинейным узором.

В последний период Латена раскрашенных ваз становится больше, изготавливаются предметы разной формы, в том числе тарелки и блюда. Вследствие торгового обмена на глаза ремеслен-

никам попадает все большее количество различных вещей. Узоров насечками по-прежнему много, но и техника росписи совершенствуется. Для этого периода характерно то, что поверхность вазы покрывалась белой глиной, на которую кисточкой наносился геометрический орнамент. По форме такие вазы без ручек почти всегда напоминают миски большего или меньшего размера. Где точно находились мастерские, неизвестно, однако частота находок позволяет предполагать, что гончарное производство было развито в центральной Галлии, а именно в районе Роана и Лёзу, у арвернов. Другие находки указывают на наличие центра гончарного производства у рутенов. Именно у этих народов в I в. появятся самые крупные гончарные мастерские во всей Галлии. Лучшие изделия местных мастеров, таким образом, положили начало развитию великопленной галло-римской керамики.

3. Особенности галльского искусства. Все эти изделия, металлические и глиняные, дошли до нас в достаточно большом количестве, чтобы можно было обозначить характерные черты галльского искусства. Речь идет главным образом об искусстве прикладном, мотивы которого заимствованы из геометрического стиля. Некоторые искусствоведы считают, что сами эти мотивы якобы являются простыми производными от греческой пальметты. В этом есть некоторое преувеличение. Галльское искусство многим обязано грекам, но оно также продолжало традицию раннего же-

лезного века, зародившуюся в Центральной Европе, и ремесленникам удалось силой своего воображения создать самобытную эстетику. Шлемы из Шампани, как и армориканские вазы, украшены многочисленными сочетаниями прямых и изогнутых линий, треугольников, кругов, в особенности спиралей и дважды изогнутых линий, напоминающих овальный орнамент решетки готического окна. И сочетания эти своим бесконечным разнообразием, мягкостью линий не перестают производить впечатление неожиданное и почти всегда приятное. Среди мотивов, образованных прямыми линиями, один из наиболее распространенных — свастика, встречающаяся на шлемах, ножнах мечей. Одним из самых древних и самых характерных памятников галльского декоративного искусства является, несомненно, блок Кермариа (департамент Финистер). Этот камень, назначение которого могло быть культовым, однако точно это не известно, имеет форму пирамиды. На каждой поверхности вырезаны мотивы, расположенные горизонтальными полосами: вверху греческий орнамент, в середине свастика, внизу S-образные знаки.

Необычайная популярность этих знаков объясняется тем, что давняя традиция приписывала им охранительный характер. Поиск волшебных свойств особенно отчетливо наблюдается в декорировании оружия. S-образные знаки, свастика, спирали были в глазах наших предков чем-то большим, нежели красивый рисунок; они имели мистический смысл, что для галлов было чрезвычай-

чайно важно. По сравнению с геометрическим украшением изображения людей и животных занимают, разумеется, гораздо меньшее место. Однако было бы ошибкой определять галльское искусство как сугубо непортретное, избегающее изображать человеческую фигуру. Как заметил П. Ламбрехт, здесь следует сделать оговорку: кельтское искусство демонстрирует склонность к изображению головы. Материал, собранный ученым, выявляет частоту обращения к этой теме в пластическом искусстве как кельтов, так и галло-римлян. Эта традиция имеет двоякую тенденцию: изображать часть вместо целого и считать голову средоточием жизненного начала. Тема «воспевания головы» звучит даже в произведениях островных кельтов, и это лишний раз подтверждает, что мы имеем здесь дело с представлением, общим для кельтских народов и уходящим корнями в глубочайшую древность.

4. Язык и письменность. Метрология. Галльский язык известен нам далеко не в полном виде. Некоторое представление о нем мы можем получить, лишь основываясь на малом количестве надписей и галльских словах, приведенных античными авторами; надписи на монетах доносят до нас имена людей, тогда как о других именах собственных напоминают названия мест галльского, как считается, происхождения. Эти скудные сведения относятся исключительно к словарному составу. О морфологии и синтаксисе мы знаем и во все самую малость. Современные бретонские го-

воры, диалекты Британских островов помогают в исследовании галльского языка, однако бретонский язык, к примеру, так же отличается от галльского, как французский от латыни, и заблуждением было бы считать, что можно шаг за шагом реконструировать галльский язык, основываясь на бретонском. Современные лингвисты уже давно отказались от столь безрассудной затеи. Их неустанные поиски привели к установлению многих вполне достоверных фактов.

В результате сравнения кельтского языка с языками древних народов Европы обнаруживается родство первого с некоторыми из них. Ближе всего он к итальянским языкам и в особенности к умбрскому. Сходство касается не только словарного состава, но и фонетики и морфологии. Из наиболее ярких примеров приведем окончание родительного падежа *-i* слов с основой на *-o*, превосходную степень на *-samo*, образование будущего времени посредством *-bo*. Такое сходство можно объяснить, если вспомнить, что итальянские народы, подобно кельтам, пришли в Центральную Европу как завоеватели. В галльском были примерно те же гласные и согласные звуки, те же дифтонги и придыхания, что в греческом и латыни. Как и в обоих этих языках, в галльском имелись окончания, склонения и падежи, спряжения, быть может, артикль и указательные местоимения. Словарный состав легко обогащался посредством образования многочисленных производных и в особенности сложных слов; нам известно с десятков различных производных от некоторых кор-

ней. Очень много сложных слов среди личных имен и наименований мест. Имя Верцингеторикс состоит из трех частей: первая обозначает силу, третья — царя; три срединных слога передают понятие «воин»; таким образом, полностью слово значит «великий предводитель воинов». Вот почему большинство имен вождей отличается широтой звучания: *Эпоредорикс*, что означает «командир всадников», был одним из командиров резервной армии в Алезии; *Камулогенус* командовал галлами, которые защищали Лютецию. Названия городов тоже являются в основном производными или сложными словами: *Аварикум* (ныне Бурж) — город на *Аваре* (Йевр); *Новиодунум*, название многих населенных пунктов в Галлии, означает то же, что *Шатонёф*, — «новая крепость»; *Самаробрива* (Амьен) — «мост через Самару» (Сомму).

Галльский язык, широко распространенный в качестве разговорного, долгое время был лишен такой опоры, как письменность. В этом вопросе, как и во многих других, учителями галлов были греки. Тот факт, что греческий алфавит получил распространение, убедительно доказывает, с одной стороны, что галлы не сумели самостоятельно создать письменность, а с другой, что использовать ее стали в результате контактов с купцами, населявшими побережье Прованса. Это наблюдение позволяет предположить, что введение алфавита относится к тому времени, когда установились тесные связи между галлами и греками из Массилии, т.е. в III в. Раньше всего греческие буквы появились на монетах. Они использовались также при состав-

лении торговых договоров. В I в. греческий алфавит вошел в обиход; друиды, как уверяет Цезарь, пользовались им при составлении официальных и личных счетов. В это время у галлов появляются настоящие архивы. Гельветы возили с собой документ, содержание которого неизвестно, однако он включал в себя поименный список эмигрантов в количестве 368 тыс. человек! Отдельно были перечислены воины, женщины и дети. Столь точные перечни предполагают, что их составители следовали уже устоявшейся традиции.

Напротив, письменность не использовалась для фиксации и передачи творений авторской фантазии. Галлам было совершенно неведомо письменное творчество. Это не означает, что у них не существовало художественных произведений; мы имеем доказательства обратного. Но эти произведения оставались плодами исключительно устного творчества. Античные авторы сообщают нам о длинных поэмах, составляемых и передаваемых друидами; в них речь шла о происхождении мира, о богах, об истории кельтов. Нравственная и поучительная поэзия дополнялась лирическими песнями, восхвалявшими героев, воинственными гимнами, которые пелись перед сражениями и в которых воспевались победы. Галльская знать любила держать подле себя людей, которых называли бардами; это были одновременно поэты и певцы, чья роль заключалась в том, чтобы при любом удобном случае, аккомпанируя себе на лире, петь хвалу своему господину. Все эти произведения остались для нас недоступны. Тайна друи-

дов, столь ревностно оберегаемая, не была нарушена. Из их обширных произведений до нас не дошло ни одного стиха.

Галлы умели измерять время и пространство, их методы были достаточно точны: многие галльские слова, обозначающие меры, оказались более живучими, чем терминология римлян, и перешли во французский язык. Нам частично известен их календарь благодаря счастливой находке в Колиньи (Эн), где были обнаружены сотни фрагментов экземпляра, выгравированного на листе бронзы. Этот документ, потребовавший кропотливого исследования, постепенно предстает как свидетельство высокой культуры; друиды решили, крайне приближенно, проблему нахождения наименьшего общего кратного трех комплексных промежутков времени: солнечных суток, периода обращения Луны и солнечного года. Медные доски с начертанным на них календарем полевых работ, наподобие той, что была найдена в Шато-Шинон, вероятно, явились воплощением полученных знаний. Календарь, основанный одновременно на лунном месяце и солнечном цикле, включал в себя два времени года, сменявшие друг друга в ритме изменений солнечной активности, управляющей циклом вегетации. Вполне естественно, друиды отдали этот солнечный календарь под покровительство солнечного божества, которое позднее, в римскую эпоху, будет фигурировать под именем Марса. Друиды умели измерять расстояния и площади. Основная единица длины *leuga* (от нее пошло французское *lieue*), равная 2217 метрам,

в конце концов вытеснила навязанную ранее римскую милю. Поначалу измерявшиеся в милях, дороги впоследствии были поделены на лье. Галльская метрика отчетливо видна на штабных картах. Мерой площади у галлов был *arepennis*, или арпан, равнявшийся 12,5 ара. Широкое использование этих единиц измерения свидетельствовало о том, что галлы располагали значительной дорожной сетью и стремились в точности знать размеры своих частных владений.

5. Монеты. Галлы не выдумали ни своего алфавита, ни своей монеты. Образцом для них послужила монета греческая. В отличие от других варварских народов, галлы быстро поняли, насколько легче осуществлять товарообмен, используя эти легкие предметы, которые можно передавать из рук в руки. Любовь к золоту заставила их незамедлительно оценить эту форму богатства. Так, самой древней монетой в Галлии была отчеканенная в III в. имитация македонского золотого статера, проникшего в Кельтику по Дунаю и Роне. По всей видимости, арверны и эдуи были первыми, кто стал чеканить монеты. От них образец распространился в Арморику, северную Галлию и попал даже в Британию. С увеличением числа монетных дворов образец постепенно изменялся и наконец приобрел чисто галльский вид. Бига* с македонского статера превратилась в коня

* Двухколесная повозка, запряженная парой лошадей, с возницей.

с головой мужчины, а увенчанная лаврами голова Аполлона — в косматую голову с гримасой вместо лица. Одновременно на монетах появляются излюбленные мотивы кельтского искусства: трискели*, кружки, точечные окружности. Воинские эмблемы, труба, меч, торквес, изображения кабана и боевой лошади служили для украшения лицевой стороны монет. Наряду с этим уменьшался вес монет и количество в них драгоценного металла.

Другие монетные потоки шли из Массилии, распространившей свои деньги вначале на всю южную Галлию, а потом и на центральную. На юго-западе колонии Рода и Эмпории ввели в обращение серебряные монеты, которые, в свою очередь, тоже претерпели изменения в галльском духе. Когда римляне обосновались в Нарбонской провинции, галлы познакомились с римскими серебряными динариями и вскоре стали чеканить подобные. В I в. денежное обращение было интенсивным. Все племена до единого чеканили монеты. Любой временный союз служил поводом для денежной эмиссии, случалось даже, что некоторые частные лица, богатые и влиятельные, выпускали свои монеты. Как следствие этого в обращении появилось бесконечное разнообразие денег, так что редко можно было найти несколько монет абсолютно идентичных. В конце эпохи независимости средиземноморские традиции приобрели столь большое влияние, что появились монеты с изображениями вождей и их именами в качест-

* Трехплечный вихревой узор (трикветр).

ве легенды*; золотые статеры с именем Верцингеторикса способствовали тому, что Галлия поднялась на борьбу против Цезаря. Галльская нумизматика, изучение которой требует особой тщательности, вот уже несколько лет является предметом новых исследований, начатых по инициативе д-ра Кольбера де Больё. Эти исследования уже дали и еще дадут в будущем немало новых сведений как о кельтском искусстве, так и о политических отношениях между народами Галлии.

6. Друиды и образование. Обучение молодежи входило в число прерогатив, которыми обладали друиды. Забота о воспитании и образовании молодых людей — одна из своеобразнейших черт галльской цивилизации. Не только друиды отбирали новичков себе в обучение, сыновья из большинства знатных семей становились их слушателями на больший или меньший срок. Право получить образование имела только аристократия. Не стоит слишком многого требовать от первобытных людей! Друиды не создавали школ как таковых. Представим себе молодых людей, живущих в обществе наставника и посредством долгого общения получающих знания, которые друид мог им дать. Знания были обширными, включающими всю науку того времени. Античные авторы считали друидов философами, понимая под этим, что они интересовались всеми ветвями познания. Программа обучения поэтому носила весьма эк-

* Надпись на монетах.

лектический характер. В нее входила прежде всего теология, метафизика и мораль, а также астрономия, физика, естественная история. К сожалению, подробности обучения в Галлии нам практически неизвестны. Что касается науки, то здесь мы имеем такое ценное свидетельство, как календарь из Колиньи. Мы знаем вместе с тем, что друиды верили в бессмертие душ, восхваляли мужество и презрение к смерти. Именно такими достоинствами должны были обладать будущие предводители, удел которых — подвергать себя опасностям, храбро сражаться. Из многочисленных сентенций друидов одна сохранилась благодаря Диогену Лаэртию: «Чтить богов, не делать зла и воспитывать в себе мужество». Это благородное изречение заставляет нас сожалеть о том, что друиды считали необходимым вести обучение исключительно в устной форме.

Археодром в Боне дает неплохое представление о постройках, быте, погребальном искусстве и ремесленном производстве галлов (вход А6).

Глава 6

НРАВЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГАЛЛОВ

1. Характер галлов. О характере галлов можно сказать, что у них имелись недостатки, свойственные молодым народам, и сводятся они к одному — к неуравновешенности. Смелые, но хвастливые, умные, но не очень-то склонные к размышлениям и дисциплине, энтузиасты и вместе с тем легко поддающиеся унынию, великодушные, но готовые впасть в ярость — таковы галлы, так они вели себя на протяжении своей истории, в ходе войны с Цезарем. Гельветы, нервии, жители Арморики не раз демонстрировали боевой пыл и презрение к смерти, вызывая восхищение у Цезаря. Он не мог не воздать должное самоотверженным воинам, которые во время осады Аварикума, сменяя друг друга на опасном посту, непрерывно в течение нескольких часов бросали зажженные факелы на деревянные укрепления римлян и в конце концов все погибли. Белловаки же в 52 г. во время сбора народного ополчения отказались дать своих воинов; они имели дерзость заявить, что станут воевать с Римом самостоятельно и когда им того захочется; самое удивительное, что после пора-

жения галлов у Алезии они осуществили свою немыслимую затею. Впрочем, от малейшей неудачи галлы впадали в отчаяние, и Верцингеториксу приходилось проявлять чудеса красноречия, не только чтобы поддерживать высокий моральный дух в войсках, но и чтобы удерживать галлов от безрассудных предприятий.

Немного нашлось бы людей, более простодушных, чем галлы, склонных верить речам всякого ловкого краснобая. Они поддавались любым слухам, правдивым и ложным, в особенности ложным, даже не пытаясь дознаться, как все обстоит на самом деле. Путников, торговцев, оказавшихся в каком-либо населенном пункте Галлии, тотчас же окружала толпа. Все хотели узнать новости; незнакомцев расспрашивали, откуда они, что видели и слышали; набравшись всякого рода сведений, люди, недолго думая, принимали даже важные решения.

Несмотря на пагубную неспособность критически воспринимать то или иное свидетельство, галлы слыли наиболее смышленными из всех варварских народов. Как отмечает Посидоний, они быстро схватывали и крепко запоминали. Цезарь, со своей стороны, хвалит их за умение имитировать и делать у себя то, что видели у других. Это похвала вполне заслуженная. Неоднократно галлы перенимали у римлян способы ведения войны, в частности их тактику осады, строили свою оборону применительно к действиям противника. Мы уже знаем, что галлы позаимствовали у греков алфавит и монеты. Это умение подражать помогло

им добиваться значительного прогресса при соприкосновении с высокоразвитыми цивилизациями. Они не копировали бездумно, они сразу оценивали, что именно у других заслуживает внимания, и незамедлительно извлекали для себя из этого пользу. Их технологии довольно ясно показывают, что личной инициативы им было не занимать. Чтобы получить те результаты, которые получили они, нужно было предпринимать неоднократные попытки, шаг за шагом совершенствуя начатое. Их способы обработки земли, достижения эмальерного и лудильного ремесел доказывают, что галлы были людьми старательными, любознательными, способными прилагать большие усилия и зорко наблюдать за всем, что происходит вокруг.

2. Военское дело. Вооружение и тактика менялись с течением времени. В начале среднего железного века самым распространенным инструментом ведения боя, в особенности у северо-восточных народов, была колесница. В погребениях Шампани обнаружено большое количество колесниц, захороненных вместе с воинами. На бронзовой монете, выпущенной ремами, имеется схематическое изображение одного из типов колесниц. Как правило, колесница состояла из деревянного кузова на двух колесах, приводимого в движение парой лошадей. Колесные ободья у повозок, чаще всего обнаруживающихся в захоронениях, очень тонкие и диаметром меньше метра. Все было рассчитано так, чтобы повозка была как можно легче. Во II в.

у кельтских народов колесницы вышли из употребления в военных целях и с той поры, по-видимому, предназначались только для высших должностных лиц. Битуит, царь арвернов, пользовался колесницей в 121 г., когда был разбит римлянами; он появился на триумфе победителя в своей колеснице, окованной серебром. Во времена Цезаря боевые колесницы находились на вооружении только у народов Британии, более консервативных в своем отношении к традициям.

В Галлии отказались от использования боевых колесниц, и самым лучшим войском стала конница. Пылкий галльский темперамент полнее всего раскрывался в конном бою. Поэтому все знатные люди были непременно всадниками, и боевая мощь того или иного народа определялась количеством эскадронов, которые он мог выставить. Излюбленная тактика всадников заключалась в том, чтобы, сплотившись в тесные ряды, стремительно, как только могли мчаться лошади, обрушиться на врага.

Пехота сражалась врукопашную. Чтобы спровоцировать рукопашный бой, пехотинцы двигались на врага очень плотными рядами или же черепахой, как геллеты в грандиозном сражении против римских легионов. Воины в первом ряду, располагаясь вплотную друг к другу, перекрещивали руки со щитами; воины в остальных рядах держали щиты над головами. Надо сказать, что пешие войска, за редким исключением, не были однородными, хорошо обученными частями, их боеспособность находилась почти в обратной за-

висимости от их численности. Огромное резервное войско, посланное на подмогу к осажденной Алезии, так и не смогло в полном составе вступить в бой — после третьей неудачной попытки оно рассеялось. Галлы I в. до н.э. утратили тот боевой пыл, который придавал несокрушимую силу воинам гальштатского периода; они оставались задиристыми и воинственными, но больше уже не могли выстоять в бою. Цезарь объясняет этот упадок легкой жизнью, которую стали вести галлы с приходом римлян; изобилие, близость средиземноморских провинций и простота товарообмена если не расслабили вконец галлов, то, во всяком случае, подорвали их стойкость. Пожалуй, верно, что причиной ослабления боевых качеств галлов явился возросший уровень цивилизации, поскольку мы видим, что из галльских племен особенной доблестью отличались племена белгов, более других удаленные от средиземноморской культуры и позже других пришедшие в Галлию.

Никакие обстоятельства, кроме войны, не выявляли с такой силой грубость галльских нравов. Началу военных действий предшествовали человеческие жертвоприношения. Нужно было обеспечить себе благосклонность богов. После битвы богам полагались трофеи; груды ценных вещей, оружия становились священной собственностью богов, и считалось святотатством взять оттуда хотя бы малую часть. Пленников обычно убивали. Их жизнь отдавалась богам в благодарность за одержанную победу. Победивший галл оставлял

себе только голову своего врага. По древнему обычаю, неукоснительно соблюдавшемуся, побежденных обезглавливали прямо на поле битвы. Головы врагов, подвешенные к шее или груди коня, были для военачальников предметом хвастовства. Затем головы прибивали к дверям домов или сохраняли как символы победы, а также как охранительные талисманы. Этот обычай, о котором поведал Посидоний, находит подтверждение и в памятниках искусства: мотив отрубленных голов — один из наиболее часто встречающихся на монетах, он присутствует как характерная деталь на редких памятниках местной скульптуры. У одного из всадников Антремона голова врага привязана к конской шее. Несмотря на ужас, который внушает этот обычай, не станем использовать его в качестве аргумента, доказывающего, что галлы были людьми дикими и жестокими; этот обычай был распространен у многих народов древности и отчасти происходил из суеверия: сохраняя череп, древние верили, что обращают себе на службу силу побежденного врага.

3. Религиозные представления галлов. Как уже можно было заметить, сверхъестественному отводилось большое место в жизни галлов. Известно, что в Древнем мире галлы прослыли людьми очень религиозными. Тем не менее анализ их верований является делом весьма трудным по причине почти полного отсутствия исторических документов. Религиозные произведения друидов, существовавшие исключительно в устной форме,

для нас утрачены, мы также не располагаем изображениями богов, относящимися к эпохе независимости. Основные наши знания о галльских божествах базируются на данных более позднего времени. Прежде всего это тексты античных авторов — людей, по отношению к галльскому миру посторонних, поэтому их выводы не могут не вызывать сомнений; во-вторых, это лаконичные надписи, дающие нам лишь имена; наконец, это скульптура галло-римской эпохи. Использование последней в качестве документального источника представляет определенные трудности. Галло-римским скульптурным памятникам может быть дано двоякое толкование: с точки зрения римлян, придавших внешние черты греко-римских богов местным божествам, и с точки зрения галлов, чей взгляд менее примечателен, но гораздо более важен, и выразился он в том, что побежденные смутно признавали в образах, принесенных победителями, антропоморфные изображения собственных богов. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы в галло-римских изображениях людей и животных увидеть собственно кельтские пережитки. Эпиграфика, донесшая до нас большое количество имен богов, вносит ясность, когда удастся точно установить значение надписи. В Ирландии кельтское многобожие сохранялось достаточно долго и было запечатлено в письменной форме; правомерно, хоть дело это весьма деликатное, обращаться к ирландской традиции, чтобы составить себе представление о древнем мифическом мире кельтов.

Верования галлов на закате эпохи независимо-сти являли собой весьма сложное единство. Самые древние элементы составляли сущность религиозных представлений первобытных народов, связанных с олицетворением сил природы. Культ камней, который в эпоху неолита выразился в сооружении менгиров, оказался живучим и распространился на скалы и горы. Почитались леса, деревья, магические растения. Культ вод — родников, ручьев, рек, озер, морей — был одним из самых древних и вместе с тем одним из самых распространенных в Галлии. Начиная с эпохи неолита объектом поклонения являлись некоторые целебные источники. Об этом свидетельствует множество votivных приношений в истоках Сены. Галлы увеличили их число. Самыми популярными были источники, содержащие соли или газы, целебные свойства которых изумляли наших предков. Большое число наших курортов с теплыми минеральными источниками были введены в эксплуатацию римлянами. Менее известно то, что в результате раскопок чуть поодаль от великолепного римского оборудования нередко обнаруживаются следы хитроумно сделанных галлами оттоков воды или скромные приношения людей, излечившихся от недугов. Надписи, датируемые первыми веками, сообщают нам имена божеств, как правило доримских, которым выражали благодарность, — например, Бормо или Борво в Бурбон-Ланси. Очень древним был также культ солнца, свидетельствами которого являлись бесчисленные изображения колеса, свастики, этого упрощенного изображения солнца;

галлы переняли эти ~~знания и~~ повторили бесконечное множество раз на ~~самых~~ различных предметах вплоть до монет.

Божества, о которых теперь пойдет речь, вероятно, чисто галльские. Мы не можем в столь коротком изложении рассмотреть каждого из них в отдельности. Даже простое перечисление не представляется возможным, поскольку надписи сообщают нам около четырехсот имен. Обилие богов — первая поразительная черта. Она объясняется тем, что, по сути, не было галльской религии как таковой, а были местные или же региональные культы. Идея о галльском пантеоне, аналогичном греко-римскому, почти не находит подтверждения. Она подсказана на самом деле знаменитым текстом Цезаря, где победитель снисходительно перечисляет неких Меркурия, Аполлона, Марса, Юпитера, Минерву как галльских богов, по своим атрибутам и функциям соответствующих богам римского пантеона. Такое крайнее упрощение может быть полезно для изучения культов галло-римской эпохи, поскольку толкование Цезаря было тогда принято и вошло в обычай. Но оно не может ориентировать нас, когда речь идет об эпохе независимости, поскольку, устанавливая параллель, завоеватель основывался на аналогиях случайных и ограниченных. Намеченная Цезарем картина, точность которой вызывает сомнения, оказывается к тому же весьма неполной при сопоставлении с археологическими данными. «Религия святилищ», по меткому выражению Ф. Бенуа, не

вписывается в очерченные завоевателем рамки, чудом оказавшиеся греко-римскими.

На самом деле галльских богов гораздо более характеризует область распространения их культа, чем особые функции. Подсчеты показывают, например, что галло-римский бог Марс заменяет собой около шестидесяти галльских богов, имена которых сохраняются в виде эпитетов Марса; это означает, что в Галлии нашлось около шестидесяти богов, у которых оказалось достаточно общих черт, чтобы их можно было объединить под одним именем римского бога. Например, в одной местности во времена независимости поклонялись богу Сегомо, в другой — Камулу, в третьей — Рудиану; после завоевания те боги, которые имели между собой несомненное, но все же не полное сходство, в первом случае стали Марсом Сегомо, во втором — Марсом Камулом, в третьем — Марсом Рудианом. Такое множество божественных имен выдает партикуляризм галлов в отношении религии. Каждое племя имело своих богов, хоть и очень похожих на богов соседнего племени, но все же в чем-то отличных. Кроме того, существовали боги общин. Самым распространенным был культ богов, которым поклонялись группы народов. При составлении карт, показывающих, как были распространены культы главных богов, необходимо иметь в виду, что в каждой конкретной местности представлена максимальная плотность распространения того или иного культа. Трехликий бог встречается главным образом на северо-востоке Галлии и в особенности

у ремов — отсюда возникает предположение, что он изначально являлся богом ремов. Бог, сидящий в буддийской позе, более всего распространен в центральной Кельтике. Богини-матери особенно почитались в Рейнской провинции и у тревиров. У эдуев появляется божественная пара — бог с деревянным молотком и богиня-мать. Бог с молотком — самое распространенное его изображение — почитался в долинах Роны и Соны и в прирейнских областях.

Эти факты, получившие освещение в недавних работах, плохо согласуются с выдвинутой под влиянием текста Цезаря гипотезой о панкельтских богах, еще распознаваемых в середине I в. до н.э. Напротив, многовалентность, которой галлы наделяли большинство богов, распространенных на территории Галлии, неизбежно наводит на мысль об отдаленных временах, когда эти самые боги соединялись в представлении о едином боге с универсальными возможностями. В таком случае нужно отдавать себе отчет в том, что первоначальный монотеизм кельтов (монотеизм, могущий предстать в виде троицы, которая, по словам Вандриеса, есть «единство в трех лицах») находился в противоречии с греко-римским политеизмом. Отсюда поверхностный характер соответствий, установленных в первую очередь Цезарем (эти соответствия выдают недостаточный интерес завоевателя к местному населению) и санкционированных галло-римской иконографией. Этим объясняется частичный провал, на который обречена любая попытка установить строгие функцио-

нальные соответствия между галльскими богами и греко-римскими. К примеру, «функция исцеления» не является исключительной принадлежностью той группы богов, которая вроде бы соответствует Аполлону; довольно часто в этой роли можно найти богов, уподобляемых Марсу. И наоборот, к богу, уподобляемому Аполлону, обращаются воины. Кельтские боги, формально близкие к Марсу, играют самые разные роли: хранитель времени и движения небесных светил, «Марс» ведает источниками, озерами, ручьями и священными слияниями рек; поочередно то целитель, то гарант загробной жизни, он является покровителем как общественных групп, так и отдельных лиц! Из всего сказанного напрашивается вывод об отсутствии реального параллелизма между греко-римской религией и галльской конца эпохи независимости.

Довольно большое число галльских богов изображалось исключительно в виде животных, другие — в смешанном виде, человека и животного; иногда животное ассоциировалось с божеством. В этом проявлялись различные стадии эволюции мифа. Божественное существо, первоначально постигаемое исключительно в виде животного, со временем принимает человеческие черты. Среди галльских богов, более или менее зооморфных, следует упомянуть бога, сидящего в буддийской позе и известного под именем Цернунн, то есть «рогатый»; его голову действительно венчают бараньи или ветвистые оленины рога. Не менее примечательна змея с бараньей головой, не-

редко сопровождающая галльских богов; ее необычный облик запечатлен в знаменитом памятнике из Мавилли (Кот-д'Ор), датируемом первыми годами нашей эры. Богиня Эпона, которую в галло-римскую эпоху изображали, как правило, на лошади, рассматривается некоторыми толкователями как древняя богиня-кобыла; приобретая человеческий облик, она якобы приняла лошадь как верховое животное или как атрибут. Гельветы и тревиры почитали богиню-медведицу. Более распространены были культ быка, в особенности трехрогого, и культ кабана. Последнего часто изображали на монетах и военных знаменах. Боги-животные и полуживотные имеют одну общую черту: насколько можно судить, они воспринимались как духи благодетельные, приносящие процветание; доказательством этого являются рога изобилия, с которыми они изображались в галло-римскую эпоху.

Галлам нравилось объединять богов в триады или пары. Мы уже упоминали трехглавого бога у ремов. Мистическое значение числа «три» проявляется в культе быка, над которым возвышаются три журавля, а также быка с тремя рогами. Весьма показательна божественная триада на памятнике паризиев, относящемся хоть и к галло-римской, но ранней эпохе, на котором изображены три бога и начертаны имена: Таранис, Езус и Тевтат. Порой возникало желание рассматривать этих трех богов как общих для всей Галлии, но тексты и исторические документы позволяют видеть в них только региональных богов. Более

распространенной была триада богинь-матерей, символизирующих плодородие земли. Диады, или группы из двух божеств, в изобилии встречаются во всех частях Галлии. Так, местные культы часто посвящены каким-нибудь богу и богине. Это многочисленные духи воды: Граннос и Сирона, Луксовий и Бриксия в Люксёй, Бормо и Дамона в Бурбон-Ланси. Пожалуй, самая характерная группа — безымянная пара, центром ее культа была область эдуев. В галло-римскую эпоху эта пара была представлена следующим образом: бог обычно с бородой, одет в галльский сагум*, в правой руке у него ваза, в левой — деревянный молоток с длинной рукояткой; лицо его исполнено важности, но и благожелательности; он, как и его подруга, сидит на скамье со спинкой. Задрапированная богиня чаще всего держит патеру с фруктами и рог изобилия. Атрибуты ясно показывают, что перед нами благодетельные боги. С другой стороны, небольшие размеры памятников, места их обнаружения свидетельствуют о том, что божества эти были объектом частного культа. Очеловеченный галло-римской пластикой облик скрывает очень древних богов. В богине можно признать Землю-Мать, то есть древнее божество доисторических времен, первые изображения которого появляются в пещерах долины реки Пти-Морен. Ее спутник — не кто иной, как Бог-Отец, быть может, тот, которого галлы, как сообщает Цезарь, считали своим прародителем.

* Короткий военный плащ, накидка.

Покровительственная функция, которой галлы наделяли богов, занимала важное место в их верованиях. Почти все галльские боги, замечает по этому поводу Ж. Дриу, являются в разной степени богами-покровителями. Даже бог медиоматриков, очень близкий к Юпитеру, бог-всадник на змееногом коне, предстает как бог хорошей погоды, плодородных земель и процветающих хозяйств. Все свое имущество и все свои дела галл вверял какому-нибудь богу; от колыбели до могилы, в каждое мгновение жизни на него взирало око того или иного божества, которого он считал уместным призвать. Галлы рассчитывали на такое покровительство и в потустороннем мире, поскольку смерть для них была не исчезновением, а всего лишь рубежом, разделяющим две формы Жизни. Вот почему могилы обычно располагались вокруг святилища небесного бога (принявшего вид «Марса» или «бога-всадника»); в могилы клали изображение богини-матери. Боги, у которых просили исцеления в этой, временной, жизни, должны были обеспечивать вечное пребывание в потустороннем мире.

Кроме того, ирландский эпос дает нам представление о том, какое важное место в кельтской мифологии занимали героические повествования. Герои — это предки, вожди родов и племен, прославившиеся воинскими подвигами или же мудростью. Ставшие легендой при жизни, эти герои были обожествлены после смерти. Есть все основания полагать, что, как и в Ирландии, в Галлии тоже были свои герои. Немеркнущая слава,

которой была овеяна память об Амбигате, добродетельном царе Кельтики, о завоевателях Белловезе и Сеговезе, способствует подтверждению этого мнения. Недавние исследования привлекли внимание к небольшим памятникам, обычно круглым в плане, занимающим особое место в ансамбле святилищных построек. А. Гренье считает, что памятники эти, до настоящего времени остающиеся довольно загадочными, не что иное, как могилы. В центре святилища мог быть захоронен только вождь, чья история или легенда связана со священным местом; стало быть, это могила героя. Такое захоронение, размещенное непосредственно в храме богов, удостоивалось определенных почестей; изначальная разница между героем и богом со временем стиралась. Вполне вероятно, что подробное изучение материалов раскопок, и даже раскопок давних, даст нам довольно большое число примеров, когда могила героя ассоциируется с храмом.

4. Изображения богов. Галльские храмы.

Религиозные обряды. Первые изображения богов в облике людей появились в Галлии задолго до кельтов. Идол из пещерных захоронений в Шампани переносит нас во времена неолита; затем появляются статуи-менгиры в Авероне. Вначале галлы, по-видимому, представляли себе богов как чистых духов, без лика и тела. Дело в том, что независимая Галлия не оставила нам ни одного изображения, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что это изображение божест-

ва. Думается, друиды могли налагать запрет на изображение божества в телесном обличье. Тенденции, существовавшие в кельтском искусстве, в котором господствовал геометрический стиль, также не способствовали развитию антропоморфизма. В противоположность этому ярчайший пример — идолы, которым поклонялись в Массилии и которые позднее были распространены хозяевами Прованса римлянами, по всей видимости, ускорили эволюцию.

В период завоевания галлы начинают материализовывать своих богов и даже представлять их в человеческом облике. Цезарь писал о бесчисленных «симулякрах Меркурия». Это выражение весьма озадачило комментаторов; симулякры поочередно отождествляли с менгирами, камнями, священными деревьями. Термин, употребленный Цезарем, слишком точен, чтобы согласиться с таким объяснением. Первыми изображениями богов могли быть обтесанные стволы деревьев, деревянные или глиняные статуэтки — все материалы, как правило, недолговечные. Грубо сделанные деревянные статуэтки, которые находят в оппидумах Кельтики или в галло-римских святилищах, таких, как Монбуй (Луаре) и Эсаруа (Кот-д'Ор), являются, скорее всего, пережитками очень древней традиции. Эта гипотеза получила дополнительное подтверждение после интересного открытия в святилище у истоков Сены. Профессор Р. Мартен в 1963 г. раскопал большую группу статуй и дубовых скульптур (всего около 190 предметов), чудесно сохранившихся из-за нахождения во влажной

среде. Несмотря на то что сделаны они по большей части искусно, их относят к древней эпохе, поскольку наиболее поздние скульптуры, как предполагают, датируются временем правления Клавдия (середина I в. н.э.). Эти памятники местного, в высшей степени самобытного искусства свидетельствуют о мастерстве, которого невозможно достичь без длительного периода развития. Впрочем, галло-римские изображения бога, сидящего на корточках, змеи с бараньей головой, конечно, не могли быть заимствованиями греко-римских образцов. Следовательно, надо признать, что они возникли на основе представлений, существовавших до завоевания и относящихся, по-видимому, к галльскому изобразительному искусству.

Сходная эволюция затронула и места отправления культов. Долгое время галлы, вероятно, не имели выстроенных храмов. Их бестелесные божества вряд ли могли быть укрыты за стеной, под крышей. Они обитали на природе: водный поток, озеро, вершина горы — вот что было их владениями. Леса в особенности считались подходящим местом для богов, и именно на лесных полянах галлы охотно устраивали политические и религиозные собрания. Храмы их появились лишь к концу эпохи независимости. Плутарх сообщает, что арверны вывесили в храме меч Цезаря, которым им удалось завладеть. Поскольку один этот текст еще не дает достаточной ясности, интересно обратиться к данным археологии. При изучении галло-римских святилищ наряду с храмами, построенными в чисто античной традиции, такими,

как Мезон-Каре в Ниме, обнаруживаются святилища, в эту традицию не вписывающиеся. Интересные примеры являют собой храм Меркурия Думиаса на вершине Пюи-де-Дом, башня Везон в Перигё и башня Женетуа в Отёне (с новейших времен известная под нелепым названием «храм Януса»). Всем этим святилищам и еще немалому числу других, менее значимых, присущи две удивительные особенности: центральная *целла* в плане представляет собой круг, квадрат или многоугольник, но никак не прямоугольник. Кроме того, она окружена портиками или галереями. Согласно хитроумному толкованию текста Посидония, сделанному А. Гренье, портики эти якобы позволяли двигаться процессии вокруг храма в направлении справа налево. Но и это еще не все. В ходе особенно тщательных раскопок обнаружилось, что некоторые святилища галло-римской эпохи располагаются над постройками эпохи независимости. Один из самых убедительных примеров такого расположения — сельское святилище в Трамблуа, в лесу Шатийон-сюр-Сен, подробно изученное Р. Пари. Под стенами, относящимися к римской эпохе, прозорливый исследователь обнаружил ямы от деревянных стоек, расположение которых свидетельствовало о том, что на этом месте в эпоху, предшествовавшую завоеванию, находились один за другим два храма, самый древний, не имевший галереи, относился ко II в. до н.э.

Из описаний античных авторов нам известны некоторые обряды галлов, другие сохранились в галло-римской религии и даже породили опре-

деленные суеверия, бытовавшие до недавнего времени в сельской местности. Обычай делать приношения восходит к каменному веку, когда в дар приносились votivные топоры. У галлов этот обычай получил дальнейшее развитие. Они, по-видимому, приносили в дар богам шейные гривны (торквесы), бронзовые колечки и, конечно, сокровища в виде слитков драгоценных металлов, украшений, монет. О некоем озере близ Тулузы шла молва, будто в нем находятся несметные сокровища. В других районах приношения просто-напросто складывали в священных местах, и дотронуться до них считалось святотатством. Галлы совершали кровавые жертвоприношения: в жертву приносились животные и даже люди. Из ветвей плели огромные корзины в форме человеческих фигур, туда помещали жертвы и затем сжигали. Многие античные авторы детально описали эти обряды, будоражащие современное сознание. По правде говоря, у всех древних народов существовало нечто подобное, в том или ином виде; у римлян жертвоприношения приняли форму «поклонения». Жертвоприношения совершались от имени отдельного лица или целого народа. В первом случае от человека хотели отвести грозившую лично ему беду, во втором — стремились добиться победы или процветания народа. Считалось, что, если в жертву принести мужчину, это может спасти больного от смерти, защитить целый народ. Божество требовало жертв, но принимало замену жертвы на равнозначную. На практике галлы приносили в жертву осужденных за преступление; однако

в случае необходимости жертвовали и невинных людей, но такое становилось делом все более редким. В галло-римскую эпоху хоть и продолжали умерщвлять животных, но чаще довольствовались тем, что приносили в жертву изображение животного. Чтобы добиться излечения больного ребенка, богу приносили в дар статуэтку, изображающую этого ребенка. Такой обряд с заменой установился не вдруг, и, если после римского завоевания он уже вошел в обиход, это значит, что зародился он еще во времена независимости.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. КОНЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ ГАЛЛИИ

1. Политическая организация общин. Внутри галльских общин форма правления существенно изменилась. Монархический режим, преобладавший вначале, постепенно стал терять популярность. В Кельтике I в. можно было назвать разве что двух человек, которые носили царский титул: это Тевтомат у нитиоброгов и Моритасг у сенонов. Еще не так давно более многочисленные народы управлялись царями. Во времена Цезаря были знаменитые личности, которые числили царей среди своих предков — Тасгетия, царя карнутов, и Кастика, царя секванов. Цари некогда правили у гельветов и эдуев: мы знаем, что представители знати в этих общинах были очень заинтересованы в восстановлении монархического режима. Верцингеториксу удалось, не без труда, провозгласить себя в 52 г. царем арвернов — в обстоятельствах, по правде говоря, чрезвычайных. Подобные попытки, более или менее удачные, дают основание полагать, что с того времени царская власть стала лишь напоминанием о прошлом.

Большие народы, такие, как эдуи и арверны, первыми разрушили у себя монархию. Проблема наследования власти, особенно трудно решаемая в государствах, образованных большим числом племен, наверное, ускорила ликвидацию царей, однако глубинной причиной перемен было желание аристократии реально участвовать в управлении. Новые правительства закрепили победу аристократии, о чем красноречиво говорит отношение знати к претендентам, которые то тут, то там предпринимали попытки восстановить царскую власть. Кельтилл, отец Верцингеторикса, был убит за такую попытку. Думнорикс у эдуев стремился сесть на трон, но его врагами оказались вергобрет и другие магистраты, которые донесли на него Цезарю. Гельветы судили Оргеторикса, у которого были сходные намерения, и обвиняемый, чтобы провалить процесс, обратился за поддержкой к народу. Восстановление царской власти рассматривалось аристократами как преступление, которое нельзя искупить. При монархическом режиме действительно вся власть была сконцентрирована в руках одного человека и знатному лицу отводилась скромная роль. Новый образ правления дал возможность аристократам избавиться от господства царя, а поскольку власть теперь распределялась между сенатом и магистратами, большое число мужчин могло похвастаться тем, что тоже обладают частицей этой власти. Народ, напротив, не находил для себя пользы в такой перемене: пока существовали монархи, он мог иногда выражать свои желания,

когда же к власти пришла аристократия, его стали держать в стороне.

2. Конституция эдуев. Политические институты в каждой общине были разные, и детали государственного устройства нам чаще всего неизвестны. Конституция эдуев, о которой мы имеем некоторые данные, свидетельствует, что этот народ уже имел значительный политический опыт. Во главе общины эдуев стоял высший магистрат, имевший часть прерогатив, которыми прежде обладали цари, и носивший титул вергобрета. По всей видимости, он сосредоточивал в своих руках исполнительную и судебную власть, поскольку мог казнить и миловать своих сограждан. Многочисленные положения конституции имели целью не допустить злоупотребления властью со стороны вергобрета. Должность эта была выборная, избирался вергобрет сроком на один год. К тому же она была сугубо гражданская. Вергобрет не мог командовать армией. В период войны для ведения боевых действий специально назначался главнокомандующий. Более того, все то время, пока вергобрет находился у власти, он не должен был пересекать границы общины. В таких условиях ему было трудно организовать военный переворот. И наконец, брат не мог занять должность после брата, кроме случая смерти последнего, — этот закон распространялся на все магистратуры. Такая мера была направлена на то, чтобы воспрепятствовать какой-либо семье установить свою тиранию. Все эти предосторожности нагляд-

но показывают, что именно более всего страшило аристократию: с одной стороны, неограниченная власть, с другой — бессменный и наследственный характер власти. Выборы вергобрета производились в соответствии с тщательно разработанной процедурой: они проходили в определенный день года, в одном и том же месте, по установленным правилам. Выборная коллегия состояла в основном из сенаторов, иначе говоря, из вождей племен и, конечно, представителей знати. Вергобрет, таким образом, был в действительности не кем иным, как временным выразителем интересов аристократии. Выборные формальности должны были соблюдаться до мельчайших деталей, избранный вводился в должность жрецами — в противном случае поднималось недовольство. Страсти вспыхивали очень быстро, и соперничающие группировки не медлили с применением силы.

Впрочем, власть вергобрета в значительной мере уравновешивалась властью других должностных лиц и в особенности властью сената. Мы не знаем доподлинно, каким образом формировался сенат. Вероятно, он был многочисленным, если судить по тому, что небольшой народ нервии имел шестьсот сенаторов. Столь значительная цифра дает основание полагать, что в сенате было представлено большинство знатных семей. Наряду с этим у эдуев, например, два человека из одной семьи не могли одновременно быть членами сената. Слова «сенат» и «сенаторы», которые мы употребляем вслед за Цезарем, здесь не вполне уместны. Мы впали бы в заблуждение, представив

себе галльский сенат как некое собрание старейшин общины, почитаемых за их жизненный опыт. Сенат скорее был собранием вождей, возглавлявших деревни или округа, и деятельных руководителей, способных одновременно управлять и служить примером. Во время войны сенаторы стояли во главе своих войск; они гордились тем, что были в первых рядах сражающихся и могли принять геройскую смерть, если таково будет веление судьбы. Например, в битве с германцами весь сенат общины эдуев погиб; нервии потеряли в сражениях против Цезаря всех своих сенаторов, кроме трех. Политические руководители, за исключением вергобрета, ничем, собственно, не отличались от военачальников. И наконец настало время рассказать, как проходили обсуждения в сенате. Собрания проводились на открытом воздухе, сенаторы были при оружии. На холме Бёвре нашли площадь, служившую, как предполагают, местом проведения собраний, и утес, игравший роль трибуны для произнесения торжественных речей. Шумное собрание галлов мало похоже на римский сенат и проходившие там неспешные дебаты. Мы не знаем в подробностях, каковы были полномочия сената, однако из многих текстов следует, что именно он управлял всеми делами государства. Важнейшие решения, такие, как вопросы войны и мира, заключение союзов, не принимались без сената; именно сенат избирал магистратов и, в частности, вергобрета. Власть сената была наиболее устойчивой. В сравнении с магистратами, наделенными временными функциями, сенат,

располагавшийся в столице, представлял народ и был выразителем тенденций его развития.

3. Внутренняя слабость общин. Нарисованную выше картину, дающую нам представление об институтах власти, нельзя назвать полной. Тем не менее она свидетельствует о том, что наиболее развитые общины имели тщательно разработанную конституцию и мудрые законы. В эпоху римского завоевания они преодолели значительную часть дистанции, отделявшей варварский народ от цивилизованных народов античного Средиземноморья. И все-таки, несмотря на качество властных институтов, галльские государства оставались слабыми. Существенными помехами для них оказались галльский темперамент и общественное устройство. Режим клиентелы, власть денег вели к тому, что отдельные личности приобретали опасное влияние, способное поколебать власть самых крупных магистратов. Оргеторикс у гельветов имел десять тысяч приближенных. Эдуй Думнорикс благодаря своей щедрости собрал вокруг себя столько сторонников, что мог противодействовать официальным властям. На свои средства он содержал большое количество всадников, мог по своему усмотрению соблюдать или не соблюдать закон и даже отдавать распоряжения, противоречащие распоряжениям вергобрета. Понятно, что такие группировки создавали ситуацию государства в государстве. С другой стороны, неуравновешенный характер галлов не позволял им долгое время терпеть один и тот же режим. Цезарь

неоднократно отмечал их стремление к новшествам, если не сказать к революционным изменениям. Достаточно было слуха, чтобы посеять панику, спровоцировать убийство или политические волнения. Заговоры и резня были делом обычным. Как только какой-нибудь правитель переставал нравиться, его свергали или казнили. Даже когда ничто не препятствовало свободному действию законов, соперничество, возникавшее между знатными людьми за получение магистратур, порождало внутренние распри, легко выливавшиеся в вооруженные конфликты.

Нередко какому-нибудь честолюбцу приходила в голову мысль разрушить установленный порядок в своих интересах. Потомки утративших власть старинных царских родов стремились вернуть себе царский титул, который носили их предки. Когда какому-нибудь особо влиятельному и разбогатевшему аристократу удавалось явно выделиться из своей среды, он не хотел больше довольствоваться теми или иными должностями, его притязания росли одновременно с его богатством, и очень скоро он начинал мечтать о неограниченной власти. С этой целью плели интриги Кельтилл у арвернов, Думнорикс у эдеев, Оргеторикс у гельветов. Последние двое строили даже более обширные планы. Они рассчитывали встать каждый во главе своего народа и распространить свою власть на другие большие народы Галлии; однако есть все основания предполагать, что каждый из них рассчитывал при возможности избавиться от компаньона, чтобы править единолично.

4. Соперничество между общинами. Борьба партий, соперничество, узурпация власти, заговоры, убийства и междоусобица — вот что составляло основу политической жизни внутри общин. Постоянные раздоры духовно изматывали людей. Малые народы, не способные противостоять силе, вынуждены были искать покровительства у большого народа. Режим клиентелы, таким образом, захватывал и область международных отношений.

Большие народы являлись центрами притяжения для народов сопредельных, но ни одному из таких союзов не удалось окончательно взять верх над другими. Дух индивидуализма одних, захватнические устремления других сделали невозможными или непрочными широкие коалиции, посредством которых Галлия могла бы объединиться. У народов не было того стремления к взаимопониманию, стремления, в достаточной мере выраженного, которое побудило бы их пойти на взаимные уступки, отвечающие интересам всех. Отношения между народами по-прежнему определялись раскладом сил между политическими группировками. Несчастье Галлии состояло в том, что в течение нескольких веков независимости ни один ее народ не смог занять доминирующего положения. Многие народы претендовали на главенствующую роль и создавали себе клиентелы, но сформированные таким образом группы, в свою очередь, начинали соперничать между собой, и, поскольку ни у кого не было существенного преимущества, Галлия обессилела в нескончаемой бесплодной борьбе.

5. Борьба арвернов и эдуев за гегемонию.

Два последних века были отмечены длительным соперничеством между арвернами и эдуями. Во II в. арверны явно взяли верх. Хозяева Оверни, они, по-видимому, распространили свою власть к востоку от Роны на аллоброгов, на юг в сторону Лангедока, на северо-запад в сторону Бретани и на северо-восток вплоть до прирейнской области. Однако не будем строить иллюзии. В действительности их сюзеренитет простирался лишь на ближайших соседей, а в отношении других народов был чисто номинальным. Многие народы только и ждали благоприятного момента, чтобы скинуть с себя плохо пригнанный хомут. Так, когда римляне в 121 г. разгромили царя Битуита, нити, связывавшие арвернов с большинством их клиентов, тотчас же порвались. В числе клиентов остались только народы, жившие вокруг Центрального массива: веллавии в Вёле, габалы в Лозере, кадурки в Лоте.

В это же время первенство перешло к эдуям. К первой четверти I в. они достигли пика своей мощи. Эдуи встали во главе большой конфедерации народов, связанных с ними более или менее прочными узами. Сегусиавы в Форэ, амбивареты, жившие, как предполагают, в долине реки Бебр, аулерки-бранновики, по-видимому населявшие область Антрен, были клиентами эдуев, поставленные в почти полную от них зависимость. Амбарры, малый народ, поселившийся в углу, образованном слиянием Роны и Соны, считались ближайшими и кровными родственниками эдуев; их

союз, очень тесный, был заключен на основе равноправия. Наконец, эдуи играли роль покровителей в отношении третьей группы народов. Большой народ битуриги, познавшие величие во времена правления легендарного царя Амбигата, теперь искали поддержки у эдуев. Договор сенонов с эдуями восходит к очень давним временам, когда паризии еще состояли в общине сенонов. Что до белловаков на Уазе, то они всегда были друзьями эдуев, пользовавшимися их покровительством. Белги, как правило, являлись союзниками эдуев в военное время. Несомненно, власть эдуев в полной мере распространялась только на те народы, которые были их клиентами в полном смысле слова, чьи войска были слиты с войсками эдуев. Битуриги, сеноны, паризии и белловаки, находясь в альянсе, полностью сохраняли свою автономию и, самое главное, свободно распоряжались своими вооруженными силами. Именно поэтому мы видим, что в ходе войны с Римом эдуи ходатайствовали перед Цезарем за сенонов и белловаков, а битуриги искали защиты у своих покровителей. Вместе с тем эти же самые народы в определенные моменты принимают в отношении Цезаря линию поведения, отличную от той, которой следовали эдуи. Тем не менее союз племен во главе с эдуями, каким он был во времена независимости, представлял собой первый шаг на пути к единству Галлии.

За этим шагом стояло нечто совсем иное, нежели стремление осуществить чисто захватнические намерения. Эдуи, будучи душой этого союза, вели

политику, глубинный смысл которой становится ясен, стоит только взглянуть на карту. Хозяева путей из Соны в Луару и Сену, прочно укрепившиеся в среднем течении Соны, они контролировали дороги, являвшиеся жизненными артериями Галлии: древнюю дорогу от реки Ду к Луаре и в центр Галлии, а также дорогу более позднюю, которой суждено было приобрести важное значение в будущем, — от Ла-Манша в Буш-дю-Рон. Обе дороги, пролегая по территории эдуев, сходились в узел вокруг крупного речного порта Шалон-сюр-Сон и приносили значительный доход. Эдуи стремились не только сохранить за собой район, где эти дороги пересекали Бургундские ворота, но и контролировать их на возможно большем протяжении. В последние века независимости именно вторая дорога — от Ла-Манша к Средиземному морю — приобрела особенно большое значение. Эдуи пустили в ход все средства, чтобы заполучить в число своих клиентов или союзников народы, жившие на прилегающих территориях. Через сегуиавов и амбарров они держали под контролем место слияния Роны и Соны. Преданность сенонов и паризиев обеспечивала им свободу действий на Сене, а благодаря дружбе с белловаками и доброму отношению белгов они имели выход в Па-де-Кале. Все народы, населявшие земли от Бове до Лиона, были их союзниками.

Оставался Ронский коридор к югу от Лиона и Буш-дю-Рон. Со времен Пунических войн Массилия находилась под протекторатом Рима, и падение Карфагена способствовало еще большему

процветанию фокейской общины. Оно также позволило римлянам усилить свое влияние на юго-востоке Галлии. Вскоре намерения Рима прояснились. Массилия больше не могла в одиночку охранять дорогу из Испании в Италию, по которой совершил свое вторжение Ганнибал. Рим вознамерился обеспечить охрану этого пути посредством фактического захвата территорий. Эдуи тогда поняли, что в их интересах как можно скорее сблизиться с Римом. Это сближение становилось для них жизненной необходимостью. Господство в нижнем течении Роны давало возможность Риму по своему усмотрению распоряжаться торговым путем, главным источником богатства эдуев. Дружба с Римом обеспечивала им безопасность земель от Массилии до берегов Ла-Манша.

6. Намерения Рима и германцев в отношении Галлии. Римляне со своей стороны, идя на соглашение с эдуями, преследовали собственные цели. Поддерживая эдуев в их борьбе против арвернов, они ослабляли своего главного противника, препятствовавшего их проникновению на юго-восток Галлии. Со времен второй Пунической войны между Римом и арвернами, оказавшими поддержку карфагенянину Гасдрубалу, существовала скрытая враждебность. Более того, аллоброги в Савойе — территории, на которую претендовал Рим, — были клиентами арвернов. Союз с эдуями позволял Риму разом расширить зону своего влияния до самого сердца Кельтики. В 121 г. был заключен пакт, по которому эдуи были объявлены

«братьями и кровными родственниками» римского народа. Легенда, согласно которой эдуи якобы происходили из Трои, несомненно, оправдывала даже формулировки договора, чрезвычайно выгодного для обеих сторон.

Эдуев часто порицали за то, что они пошли на соглашение с Римом и тем самым подготовили почву для порабощения Галлии. Нам, по прошествии двух тысяч лет, легко судить, нам ясны интересы галлов. Коалиция галльских народов, разумеется, могла бы воспрепятствовать вторжению римлян в Прованс. К сожалению, политическая обстановка в Галлии не давала возможности заключить такой союз в 121 г., когда римляне еще довольно робко вступали на галльскую землю; доказательством этому служит факт, что согласие не могло быть достигнуто даже в 52 г., в момент самый критический, когда вопрос стоял о независимости всех народов Галлии. Чувство общности у галльских народов в 121 г. было недостаточно сильным для осуществления освободительного единения; сказать больше — чувства общности почти не было. На протяжении веков у каждого народа или группы народов выработалась привычка сосредоточивать свое внимание на сопернике — народе или группе народов. Вряд ли галлы всерьез задумывались о далеком будущем. Эдуи в 121 г. увидели в соглашении с Римом средство упрочить свое экономическое и политическое могущество.

Впрочем, союз с Римом никогда не находил выражения в материальной поддержке. Добившись невмешательства эдуев, пока шло завоева-

ние Нарбонской провинции, Рим сохранил за собой возможность вмешиваться по своему усмотрению в дела Галлии и оставил эдуев в состоянии войны с арвернами. Те не преминули начать плести интриги. Они заключили союз с секванами, соседями эдуев на востоке, — два этих народа находились в ссоре из-за вопроса о владении бродами на Соне; кроме того, они вступили в переговоры с очень предприимчивым германским вождем и убедили его воевать на их стороне против эдуев. Коалиция, в которую вошли арверны, секваны и возглавляемые Ариовистом свевы, нанесла эдуям ощутимый удар. Проиграв несколько сражений, эдуи вынуждены были уступить некоторые земли, предоставить заложников и отказаться от намерения призвать на помощь Рим. Секваны, таким образом, стали доминировать в Галлии, но длилось это очень недолго. Едва германцы переправились через Рейн и увидели плодородные галльские земли, как единственная мысль овладела их умами: покинуть свои нищие края и в массовом порядке обосноваться в благословенной Галлии. Они воспылали любовью, как откровенно пишет Цезарь, к галльским землям и ресурсам. Поначалу в Галлию пришли пятнадцать тысяч германцев, однако вскоре их уже насчитывалось сто двадцать тысяч; они потребовали от секванов, чтобы те отдали им треть своей территории, а получив ее, потребовали вторую треть. Ариовист, чувствуя себя в силе, обложил галлов данью, потребовал в залог детей из знатных семей. Галлы оказались столь слабы, что были вынуждены под-

чиниться, и тогда Ариовист, имевший сильную дисциплинированную армию, продемонстрировал, что впредь намерен как властитель говорить и действовать в Галлии, которую он считает покоренной. Истязания, выпавшие на долю заложников, показали, что угрозы германца не были пустыми словами.

7. Галльская война. Таким было положение Галлии в 58 г. С юго-востока надвигались римляне, с севера — свевы под предводительством Ариовиста, изнутри Галлию ослабляли собственные раздоры — ей грозила серьезная опасность по-рабощения. Вопрос заключался лишь в том, окажется ли она под властью Рима или германцев. Кампании 58 г. завершились разгромом Ариовиста. Вначале Рим, стремясь ослабить мощь эдуев, которую, без сомнения, считал чрезмерной, пошел на то, что сдружился с Ариовистом. Потом, когда германец стал опасным, потребовалось его уничтожить. Перемещения гельветов по территории эдуев дали снедаемому властолюбием Юлию Цезарю великолепный повод для вторжения в Кельтику. Проконсул утверждал, что он просил и даже умолял эдуев самим вмешаться. В действительности, по-видимому, все было не так просто. Если и возможно, что некоторые магистраты у эдуев подумывали о том, чтобы вспомнить старый договор о дружбе с Римом, то не вызывает сомнений факт, что значительная часть эдуйской аристократии, уязвленная пассивностью сената во время недавней войны против

коалиции арвернов — секванов, перестала возлагать надежды на Италию. Полуофициальные соглашения эдуа Думнорикса, предводителя всадников, с гельветами и секванами были эскизом союза между кельтскими народами, и перемещения гельветов могли начаться с полного согласия и даже при пособничестве влиятельных эдуев, оппозиционно настроенных к Риму. Цезарь взял на себя освободительную роль гораздо больших масштабов, чем та, какую от него ждали, поэтому он встретил у эдуев прохладный прием, если не сказать больше. Усилия, которые прилагал проконсул, чтобы скрыть такое положение дел от римской общественности, не помешали фактам говорить самим за себя: с 58 г. появляются первые и серьезные признаки сопротивления со стороны эдуев, и скрытые намерения Цезаря становятся явными. Но случилось так, что одержанные одна за другой победы римских легионов не позволили антиримской партии до 52 г. резко изменить политику эдуев.

Надо сказать, что в 58 г., после вступления в кампанию Цезаря, военные действия пошли гораздо быстрее. В течение нескольких недель гельветы были разгромлены, а уцелевшие в сражениях отправлены восвояси. По новой просьбе галлов Цезарь вступил в борьбу против Ариовиста. Свевы на Эльзасской равнине были разбиты на мелкие части и отброшены за Рейн. Однако легионы не покинули Галлию. Становилось ясно, что, как и предсказывал Думнорикс, проконсул стремился Галлию покорить. «Галльская» война

начиналась. Не станем подробно описывать перипетии этой пятилетней борьбы — волнующий рассказ о ней дал Жюллиан в третьем томе своей «Истории Галлии». Уточним лишь характер этой войны и глубинные причины победы римлян. Цезарь великолепно умел использовать в своих целях соперничество народов и разногласия внутри общин. Он заявлял, что вошел в Кельтику по призыву эдеев; затем другие народы поддержали его, например лингоны и ремы. Эти последние отказались войти в союз белгов, потому что их давние соперники, свессиины, были инициаторами этой коалиции. Почти везде Цезарь обеспечил себе тайных или явных сторонников: политические интриги готовили почву для завоевания вооруженным путем.

Впрочем, Цезарю были неведомы ни предпочтения, ни предубеждения. Обладая невероятной политической гибкостью, он умел приспособиться к ситуации на местах. Всегда и везде он помогал подняться преданным ему людям, вознаграждая и оказывая поддержку в нужный момент, и преследовал своей ненавистью противников — до того момента, пока ему не удавалось подорвать их влияние. У сенонов и карнутов он восстановил уничтоженную царскую власть, посадив на трон потомков свергнутых правителей — Каварина и Тасгетия, которые попали в поле его зрения и принимали его покровительство. Среди эдеев у него не было более ярого и стойкого врага, чем уже упоминавшийся Думнорикс. Все более унижительные требования, которые Цезарь вынужден

был навязывать эдуюм, усиливали недовольство этого гордого народа. Уже давно класс всадников (*equites*), уставший служить чужеземцу и осознающий, что их народ катится вниз, оказывал проконсулу упорное противодействие. Цезарь считал, что исправил ситуацию в 54 г., когда ему удалось уничтожить Думнорикса. В действительности же эта расправа, грубая и нарочитая, сделала еще более непопулярной политику коллаборационизма, которую Дивитиак, будучи ее убежденным сторонником, постыдился продолжать, поскольку был родным братом Думнорикса!

Между тем, несмотря на все страдания, общины так и не смогли создать достаточно мощную коалицию, чтобы справиться с римскими войсками, немногочисленными, но хорошо вооруженными и в высшей степени дисциплинированными. Белги поднялись первыми, но это была лишь часть Галлии; у них отсутствовало единодушие, и они очень быстро распались. В 56 г. армориканские общины отказались терпеть гнет Рима; однако в то время как венеты очень ловко перенесли борьбу на море, другие галлы поставляли Цезарю корабли, необходимые ему, чтобы поставить их братьев в зависимость. Затем Цезарь предпринял кампании устрашения против германцев и бретонцев; впечатляющие операции не были, однако, доведены до конца и не принесли желаемых результатов. По возвращении легионов на континент Цезарю пришлось подавлять второе восстание белгов, лучше организованное, чем первое. Амбиорикс, царь эбуронов, нанес римлянам тя-

желые поражения, но кельтская Галлия оставалась пассивной, и белги в конце концов оказались разбиты. Думнорикса не было, чтобы призвать к оружию и отстаивать право на свободу. Понадобились кровавые репрессии со стороны Цезаря и новые вспышки насилия, чтобы раскрыть глаза галлам и поднять их на всеобщее восстание. Соглашение, разумеется, было достигнуто в ходе религиозного собрания, проходившего в самом центре Галлии, карнаты взялись нанести первый удар, который явится сигналом к массовому выступлению. Таким ударом стало истребление римских торговцев в Кенабуме (Орлеан).

8. Верцингеторикс и конец независимости Галлии. Вот тут-то и появился Верцингеторикс. В его лице Галлия обрела наконец прозорливого вождя, превосходного организатора. Выходец из очень знатной семьи арвернов, он, как и Думнорикс, претендовал на царскую власть в Галлии и вместе с тем был сторонником независимости. Ему удалось, несмотря на противодействие стоявших у власти аристократов, вначале упрочить влияние в своей стране, а затем объединить в лигу часть народов Кельтики. Он умел говорить с толпой и убеждать, умел в ходе войны верно оценивать обстановку, умел управлять и подчинять себе людей, обладал даром предвидения. Под его твердым командованием коалиция устояла и набрала силу. Некоторые народы колебались, присоединяться ли им к Верцингеториксу; после проведения на их территориях наступа-

тельных действий они примыкали к коалиции. Верцингеторикс избрал единственную тактику, способную вынудить римлян покинуть страну: он опустошал ее на пути следования неприятеля, сжигая запасы продовольствия. У эдуев возродилась партия Думнорикса, они ждали только благоприятного момента, чтобы перейти к активным действиям.

На первом этапе кампании 52 г. то и дело проявляется едва скрываемая враждебность эдуев по отношению к Цезарю: когда Верцингеторикс оказывает давление на битуригов с целью вовлечь их в коалицию, эдуи предпринимают символическое наступление, чтобы обмануть Цезаря, и стараются не мешать усилиям арверна; во время осады Аварикума (Бурж) они всячески уклоняются от того, чтобы снабжать римскую армию. Эдуи уже готовы были поднять восстание, когда внезапный исход дела позволил Цезарю развернуть против их границы в Десиз-сюр-Луар всю свою армию и тем самым на время заставить их повиноваться. И все же поражение проконсула у Герговии, недолгое разделение римской армии вскоре создали благоприятные условия для вступления эдуев в войну. Уничтожив арсенал Цезаря в Новиодунуме (по-видимому, в излучине Луары, в Диу) и тем нанеся ему серьезный удар, они созвали всеобщее собрание народов Галлии, на котором Верцингеторикс был официально назначен главнокомандующим и выработан план действий.

За некоторое время до этого Верцингеторикс провел отвлекающий маневр против аллоброгов

с целью вынудить Цезаря уйти в Провинцию; ему удалось добиться того, что римская армия начала отступление. Сам он перенес свою ставку в Осуа, расположенный неподалеку от того пути, по которому, как предполагалось, должны были следовать войска Цезаря. Верцингеторикс отважился атаковать римлян в Шатийоннэ, бросив против легионов на марше свою конницу, состоявшую по большей части из эдуев. Вопреки ожиданиям Цезарь был готов к такому повороту событий: яростные и настойчивые атаки галльской конницы были в конце концов отбиты легионами, построенными в каре.

Это поражение вынудило Верцингеторикса отойти на свою базу, расположенную у мандубиев, иначе говоря, в оппидум Алезия, который нынешние самые строгие исследователи традиционно идентифицируют с холмом Осуа на территории Ализ-Сент-Рен (Кот-д'Ор). Пока резервная армия формировалась и выдвигалась на марш, Цезарь успел обнести крепость двойным поясом укреплений. Осажденные терпели страшные муки голода. И все же подкрепление успело подойти к Алезии. Оно представляло собой многочисленную, но малодисциплинированную армию. Как обычно, войска строились по народам и племенам, однако расположенные рядом дружины сражались с неодинаковым пылом. Дабы не задевать ничьего самолюбия, были назначены четыре главнокомандующих — трое из них были явно лишними. В результате не удалось провести ни одного слаженного маневра, в котором участвовала бы вся ар-

мия. Арверны под командованием Веркассивелавна предпринимали все возможное, но им вовремя не оказали поддержку. Когда они были разбиты, остатки армии рассеялись и Верцингеторикс был вынужден сдаться. Верный обычаям своих предков, арвернский герой принес себя в качестве искупительной жертвы, чтобы уменьшить страдания соотечественников.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тексты на кельтском языке были собраны в 1920 г. Доттеном; новый сборник, в коем возникла необходимость, является плодом усилий г-на Р.-М. Дюваля и г-на М. Лежёна. Тексты античных авторов, касающиеся Галлии, большей частью содержатся в первом томе Дома Буке (Dom Bouquet) *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. Последние издания текста Цезаря появились на свет благодаря Констану (серия Бюде, 1926, с переводом) и Клоцу (Лейпциг, 1952); немало сведений еще может быть почерпнуто из устаревшего издания Бенуа и Досона. Из журналов полезнее всего обратиться к *Revue celtique*, *Etudes celtique*, *Revue archéologique*, *Gallia*, *Ogam*, *Revue archéologique du Centre*, *Archéologia*. Не следует также забывать, что во многих публикациях, посвященных изучению различных аспектов галло-римской цивилизации, приводятся суждения о предшествующем периоде; библиографию см.: *Les Gallo-Romains*, P.U.F., 7-е изд., в той же серии.

Общие труды

Dictionnaire archéologique de la Gaule, 1867.
Holder. Altceltischer Sprachsatz, 1896—1913. 167093

Bloch G. La Gaule indépendante et la Gaule romaine (tome I de l'Histoire de France *de Lavis*).

Jullian C. Histoire de la Gaule, I, II et III (principalement).

Reinach S. Catalogue illustré du Musée des Antiquités nationales, 2 vol., 1917 et 1921.

Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine (surtout les tomes III et IV, 2e éd., 1927), continué par *Grenier A.* (7 vol. parus de 1931 à 1960).

Grenier A. Les Gaulois, 2e éd., 1945.

Hubert R. Les Celtes, 1932.

Hatt J.-J. Histoire de la Gaule romaine (120 avant J.-C. — 451 après J.-C.), 1959.

Eydoux H.-P. Monuments et trésors de la Gaule, 1958.

— Lumières sur la Gaule, 1960.

— Promenades dans la France antique, 1965.

Lengyel L. Le secret des Celtes, 1969.

Markale J. Les Celtes et la civilisation celtique, 1969.

Pernoud R. Les Gaulois, Ed. du Seuil, 1979.

Ricolfis J.M. Celtes et Gaulois, C.N.D.G., 1981 (Lexique).

Труды, посвященные отдельным вопросам (в порядке следования глав)

Longnon. Atlas historique de la France, 1884.

Berthelot. Les Ligures (Revue archéologique, 1933).

Henry Fr. Les tumuli de la Côte-d'Or, 1933.

Lebel P. Où en est le problème d'Equoranda (Romania, 1937; cf. Rev. arch. de l'Est, 1954).

2 *Dauzar A.* La toponymie française, 1938.

Rollant H. Fouilles de Glanum (suppléments à Gallia, 1947 et 1958); Fouilles de Saint-Blaise (suppléments à Gallia, 1949 et 1954).

Kimmig W. Où en est l'étude de la civilisation des champs d'urnes? (Rev. arch. de l'Est, 1951 et 1954).

Jannoray J. Ensérune, contribution à l'étude des civilisations préromaines de la Gaule méridionale, Paris, 1955.

Joffroy R. Le trésor de Vix, P.U.F., 1954.

— Les sépultures à char du premier âge du fer en France (Rev. arch. de l'Est, 1957).

— L'oppidum de Vix et la civilisation hallstattienne finale dans l'Est de la France (Publications de l'Université de Dijon, 1959).

Rosen-Przeworska J. Les Celtes en Pologne (Antiquités nationales, 1961).

Le Roux F. Les druides, Paris, P.U.F., 1961.

Bulliot G. Les fouilles du mont Beuvray, Autun, 1899.

Grenier A. Habitations gauloises et villas latines dans la cité des Médiomatrices, 1906.

Daubrée. L'exploitation des métaux dans la Gaule, 1860.

Marchal J.R. Considérations sur la métallurgie préhistorique, Lammersdorf près Aix-la-Chapelle, 1962.

Couissin. Les armes gauloises (Revue archéologique, 1927).

Renard M. Technique et agriculture en pays trévire et rémois, Bruxelles, 1959 (collect. «Latomus» (description de la moissonneuse gauloise).

Dion R. Histoire de la vigne et du vin en France, depuis les origines jusqu'au XIXe siècle, 1959 (chez l'auteur).

Blanchet A. Traité des monnaies gauloises, 1905.
Lantier R. Masques celtiques en métal (Monuments Piot, XXXVII).

Dottin G. La langue gauloise, 1920.

Lainé-Kerjean C. Le calendrier celtique (Zeitschrift für celtische Philologie, 1943).

Jacobsthal P. Early Celtic Art, Oxford, 1944.

Lantier R. La préhistoire, l'art celtique, l'art gallo-romain... (Les origines de l'art français), 1950.

Lengyel. L'art gaulois dans les médailles, Paris, 1954.

Benoit P. L'art primitif méditerranéen, 2e éd., 1955.

Lambrechts P. L'exaltation de la tête dans la pensée et dans l'art des Celtes, Bruges, 1954.

Varagnac A. L'art gaulois, 1957.

Martin R. Sculptures en bois découvertes aux Sources de la Seine, (Rev. archéol. de l'Est, 1963).

Wheeler M. et *Richardson K.* Hill-forts of Northern France, Oxford, 1957.

Colbert de Beaulieu J. Catalogue des collections archéologiques de Besançon; IV, Les monnaies gauloises, Paris, 1959; *Du même*, Catal. des monnaies gauloises de Montbéliard, 1960.

Catal. des monnaies gauloises de Montbéliard, 1960.

— Catal. des monnaies gauloises de Jura, 1962.

Drioux G. Cultes indigènes des Lingons, 1934.

Sjoestedt M.-L. Dieux et héros des Celtes, 1940.

Vendryes J. La religion des Celtes (coll. «Mana») 1948.

Lambrechts P. Contributions à l'étude des divinités celtiques, Gand, 1943.

Benoit F. L'héroïsation équestre, 1954.

Duval P.-M. Les dieux de la Gaule, Paris, 1957 (P.U.F.).

Arzel E. Sources médiévales pour servir à l'étude de l'Antiquité celtique (Ogam, 1957).

Brisson A. et Hatt J.-J. Cimetières gaulois... à enclos (Rev. arch. de l'Est, 1955 et 1960).

Matherat G. La technique des retranchements de César (Gallia, 1943).

Rambaud M. L'art de la déformation historique dans les Commentaires de César, 1952, 2e éd., Belles-Lettres, 1962.

Colbert de Beaulieu J.-B. La localisation d'Alésia et la numismatique gauloise (Ogam, 1957).

Vries J. de. La religion des Celtes, Paris, 1963.

Grisart A. César dans l'Est de la Belgique: les Aduatuques et les Eburons (Les études classiques, 1960).

Широкова Н.С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989.

Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.

ДРУГИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Табл.

100

112

112

140

153

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КЕЛЬТОВ В ГАЛЛИЮ	5
Глава 2	
ГАЛЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПЛЕМЕНА И ОБЩИНЫ	23
Глава 3	
НАРОДЫ. ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ	41
Глава 4	
ГАЛЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ	85
Глава 5	
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ	89
Глава 6	
НРАВЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГАЛЛОВ	109
Глава 7	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. КОНЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ ГАЛЛИИ	131
БИБЛИОГРАФИЯ	153

Тевено Эмиль
История галлов

Оформление серии *Пестрецовой А.А.*
Верстка *Поташевской Е.А.*
Корректор *Агарева Е.Ю.*

ИД № 03510 от 15.12.2000
Подписано в печать 25.07.2002
Формат 70х90¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,85
Тираж 5000 экз. Заказ 2071
Изд. № 07/01-И

ООО Издательство «Весь Мир»
Почтовый адрес: 101831, Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Юридический адрес: 127214, Москва, ул. Софьи Ковалевской,
д. 1, стр. 52
Тел.: (095) 923-68-39, 923-85-68, Факс: (095) 925-42-69
E-mail: vesmirorder@vesmirbooks.ru; <http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 577770215-5

9 785777 702159